

Судебная реформа в России: пределы и возможности

Москва, 26 апреля 2001 года

26 апреля 2001 г. в Никитском клубе состоялось совместное заседание – круглый стол с Союзом юристов России на тему: «Судебная реформа в России: пределы и возможности». Без преувеличения можно сказать, что судебная реформа, которая сегодня стала главным предметом обсуждения юристов и политиков, не может оставить равнодушным любого гражданина, не безразличного к собственной судьбе, к судьбе своей страны. Хорошо налаженная судебная система защиты прав граждан дает веру в справедливость судебного решения, поддерживает социальное спокойствие в обществе.

В приглашении на заседание Никитского клуба были приведены слова Аристотеля о том, что один раз правильно установленное правосудие распространяется в дальнейшем в геометрической прогрессии. Участники круглого стола стремились выразить свое мнение о том, как правильно установить правосудие в нашей стране. Каковы пределы предпринимаемой судебной реформы? Достаточно ли независима судебная власть в России, чтобы быть объективной и справедливой, и зависит ли это только от внешних условий? Применимо ли к судье понятие дисциплинарной ответственности?

Ответы на эти и другие вопросы звучали в выступлениях гостей и членов Никитского клуба, среди которых были известные юристы, руководители и судьи Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, Арбитражного Суда г. Москвы, судов общей юрисдикции, а также ученые, политики и предприниматели. На заседании Клуба выступил также заместитель руководителя Администрации Президента РФ Д.Н. Козак. Участники круглого стола согласились с тем, что сейчас есть все объективные условия для того, чтобы судебная реформа стала значимым событием в современной истории нашей страны.

Участники круглого стола:

- Автономов Алексей Станиславович,**
вице-президент Фонда развития парламентаризма
- Баренбойм Петр Давидович,**
адвокат, вице-президент Союза юристов России
- Беднов Сергей Сергеевич,**
вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ
- Бойков Олег Витальевич,**
заместитель председателя Высшего Арбитражного Суда РФ
- Большова Алла Константиновна,**
председатель Арбитражного Суда г. Москвы
- Вицин Сергей Ефимович,**
заместитель председателя Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия
- Гаджиев Гадис Абдуллаевич,**
судья Конституционного Суда РФ
- Голубев Сергей Александрович,**
директор Юридического департамента Центрального банка России
- Данилов Юрий Михайлович,**
судья-секретарь Конституционного Суда РФ
- Епифанова Валентина Николаевна,**
первый заместитель председателя Городского суда г. Санкт-Петербурга
- Жаркова Людмила Михайловна,**
судья Конституционного Суда РФ
- Жуйков Виктор Мартенианович,**
заместитель председателя Верховного Суда РФ
- Захаров Александр Владимирович,**
председатель Попечительского совета Никитского клуба, генеральный директор Московской межбанковской валютной биржи
- Иванов Лев Олегович,**
советник судьи Конституционного Суда РФ
- Капица Сергей Петрович,**
президент Никитского клуба
- Капичников Иван Васильевич,**
председатель Домодедовского Народного суда Московской области
- Кашкин Сергей Юрьевич,**
проректор Московской государственной юридической академии
- Козак Дмитрий Николаевич,**
заместитель руководителя Администрации Президента РФ
- Коротков Андрей Викентьевич,**
руководитель Департамента правительственной информации
- Костин Алексей Александрович,**
заместитель председателя Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ
- Лафитский Владимир Ильич,**
ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
- Окуньков Лев Андреевич,**
директор Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ

Радченко Владимир Иванович,
первый заместитель председателя Верховного Суда РФ

Разумов Станислав Александрович,
судья Верховного Суда РФ

Сидоренко Юрий Иванович,
председатель Совета судей России, судья Верховного Суда РФ

Тамбовцев Виталий Леонидович,
профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Требков Андрей Адамович,
президент Союза юристов России

Туманов Владимир Александрович,
председатель Совета по совершенствованию правосудия при Президенте РФ, председатель Конституционного Суда РФ в 1995-1997 гг.

Хохрякова Ольга Сергеевна,
судья Конституционного Суда РФ

Шаккум Мартин Люцианович,
заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по кредитным организациям и финансовым рынкам

Шаров Геннадий Константинович,
член Президиума Московской городской Коллегии адвокатов

Шаститко Андрей Евгеньевич,
заведующий сектором Бюро экономического анализа

Круглый стол вел **П.Д. Баренбойм**

А.В. Захаров

Наша сегодняшняя встреча посвящена судебной реформе. Проведение экономических реформ так или иначе связано с принятием новых законов, внедрением новых методов правового регулирования.

В России издавна серьезные экономические преобразования, как правило, увязывались с проведением судебных реформ. Наиболее яркий пример — *судебная реформа 1864 г.*, когда в России были приняты новые Судебные Уставы, введены суд присяжных и система присяжных поверенных (адвокатов). Как показал последующий опыт, судебная система тогда действительно стала демократической и независимой, способной реально обеспечить защиту гражданских прав в обществе. Российская судебная система вышла на новый уровень, встав в один ряд с аналогичными системами развитых стран мира.

Д.Н. Козак и А.В. Захаров

Однако на протяжении большей части XX века судебная система в нашей стране была практически полностью подчинена государству. Формирование судебной власти, независимой от исполнительной и законодательной властей, началось только недавно.

Без веры в справедливость судебного решения у населения не может быть развито полноценное чувство справедливости. Еще в XIX в. выдающийся немецкий юрист Рудольф фон Иеринг писал, что "чувство собственного достоинства нации и патриотизм граждан можно легко оценивать по уровню их готовности отстаивать свои собственные частные права".

Что касается разрешения споров, возникающих в связи с предпринимательской деятельностью (так называемых экономических споров), то представляется уместным обратить внимание на проблему необходимости дальнейшего *развития системы третейских судов*.

С точки зрения предпринимателя, третейский суд по сравнению с государственными судами обладает, по крайней мере, двумя неоспоримыми достоинствами:

- возможность избрать арбитра, являющегося экспертом в той области, в которой возник спор;
- окончателность решения третейского суда (естественно при условии соответствия вынесенного решения требованиям законодательства).

Последнее чрезвычайно важно, поскольку в области предпринимательских отношений большое значение имеет определенность. В системе государственных судов с широкими возможностями обжалования решений суда, являющимися, безусловно, гарантиями справедливости и объективности разрешения спора, создаются предпосылки затягивания процедуры разрешения спора. А это означает, что в течение срока разрешения спора стороны находятся в неопределенном положении в отношении предмета спора, что может длиться достаточно долго. Зная это, стороны иногда предпочитают обращаться в третейский суд. Но попытки принять Закон о третейских судах пока не доведены до конца.

Несколько слов о том, как работает Никитский клуб. Год назад мы учредили Клуб именно с целью создать условия, в которых специалисты могли бы в неформальной обстановке выразить свое мнение по поводу тех или иных важных для жизни России проблем. Мы стараемся довести позицию профессионалов не только до сведения широкой общественности, но и — считаем весьма важным — до лиц, принимающих решения. Для этого мы издаем выпуски стенограмм заседаний Никитского клуба, которые затем направляем в Администрацию Президента, в Правительство, Федеральное собрание, СМИ, в научные институты и общественные организации, а также предлагаем вниманию участников финансового рынка.

Большинство учредителей Никитского клуба профессионально не связаны с юриспруденцией, однако вопросы судебной реформы, которые, с уверенностью можно сказать, касаются каждого из нас, не могут никого оставить равнодушными. Считаю, что вошедшее в обиход выражение "правовой нигилизм", который исторически приписывают России, не в характере наших людей. Повод для таких суждений давали скорее издержки судебно-правовой системы.

По ассоциации я вспомнил такое выражение в русском языке: "пока суд да дело...", смысл которого передает определенную протяженность времени. Так вот, оглядываясь на последние десять лет, можно говорить о прошедших в стране переменах. Пока суд да дело, в стране прошла приватизация, созданы новые товарные и финансовые рынки, изменились правоотношения, регулирующие вопросы собственности. Как изменился сегодня суд, и в каком состоянии находится связанное с ним дело? Это очень важный для всех нас вопрос. Поэтому мы собрались в Никитском клубе на совместном заседании с Союзом юристов России и пригласили профессиональных правоведов, чтобы поговорить о правовой реформе в целом и судебной в частности. Вполне логично, что это собрание будет вести адвокат, вице-президент Союза юристов России Петр Давидович Баренбойм.

П.Д. Баренбойм

В современном мире классиков теории правовой реформы не так много. В свое время как раз только что выступивший Александр Владимирович Захаров был причастен к выходу книги, которую многие из вас, надеюсь, знают: "Правовая реформа. Теория и практика". Ее автор — Ибрагим Шихата, американец египетского происхождения, в течение 30 лет был Генеральным советником (главным юристом) Всемирного банка. Весьма серьезный специалист, потративший много усилий (используя, между прочим, возможности Всемирного банка) на сбор информации о правовых реформах, на проведение правовых реформ и финансирование правовых реформ через Всемирный банк. Он пишет, что, кажется, в Венесуэле, на средства займа Всемирного банка было построено 200 новых судебных зданий. У нас же из десятков миллионов долларов, полученных займы от Всемирного банка на правовую реформу России, на суды было запланировано менее 10% средств. Такова была российская заявка времени 1996 г. Ситуация с займом только сейчас начала меняться благодаря настойчивости некоторых наших юристов.

Тема нашей дискуссии довольно сложная. С одной стороны, она понятна, широко известна и часто обсуждается. С другой стороны, есть целый ряд вопросов, которые почему-то в дискуссиях затрагивают не так активно. Я позволю себе, не высказывая собственного отношения, просто обратить внимание на те сюжеты, которые, может быть, станут предметом сегодняшнего обсуждения.

Во-первых, соотношение правовой и судебной реформ. Понятно, что правовая реформа включает юридическое образование, все виды адвокатской юридической помощи, другие области, которые только судебной реформой охватить невозможно. Концепция судебной реформы уже была разработана раньше, а сейчас снова идет речь о ней же, о ее продолжении, в то время как о правовой реформе как-то не очень говорят.

Правильно ли это и можно ли без программы, концепции правовой реформы, не говоря о её реальном осуществлении.

Во-вторых, вопрос об идее слияния судов. Эта идея перманентно возникает, однако, ее обсуждение находится все равно на периферии любой дискуссии о судебной реформе. Рассуждая теоретически о том, станет ли судебная власть после слияния более сильной, более независимой по отношению к исполнительной и законодательной ветвям власти, можно предположить, что, возможно, станет. Только какой ценой? Сколько на это понадобится времени? Есть ли в этом реальная целесообразность?

В-третьих, возможно и нужно ли изменение Конституции, необходимое для такого слияния? Нужно ли, вообще, менять Конституцию? Что такое стабильность Конституции, соотношение стабильности судебной системы и стабильности Конституции? Это тоже тема для вполне открытой, спокойной, непредвзятой дискуссии, в которой могут быть обозначены разные позиции.

Отдельный вопрос об открытости концепции судебной реформы. Центр стратегических разработок под руководством Германа Грефа опубликовал "Стратегию развития Российской Федерации до 2010 года". Довольно большая экономическая программа, которую любой желающий может получить и посмотреть. То есть программа экономической реформы есть, а о концепции судебной реформы ходят только какие-то слухи. Она существует в разных редакциях, поэтому вполне правомочен вопрос об открытости этой концепции, необходимости откровенно и спокойно обсуждать все связанные с ней содержательные и организационные проблемы

Одна из организационных проблем — необходимость финансовых средств для осуществления реформы. О том, что нужны деньги, знают все. Однако по отношению к тому, как ими распорядиться, существует две точки зрения. Одна из них заключается в том, что у нас прекрасная судебная система, которой только не хватает финансирования, поэтому "дайте денег и не мешайте". С другой точки зрения, деньги - это еще не все, и необходимо очень четко предусмотреть, чтобы финансы стали инструментом реформ. К сказанному можно добавить много других тем для обсуждения, которые присутствующим, в основном, известны. Это, например, конкретные разработанные поправки к законам, которые, правда, почему-то существуют в разных редакциях. Интересен вопрос о специализированных судах, о нагрузке на судей, о квазисудебных процедурах, появившихся в некоторых органах исполнительной власти, и наоборот - об административных исполнительных функциях, иногда возлагаемых на судей. Вероятно, уместно также поговорить об адвокатуре, прокуратуре и третейских судах. Вокруг последних, кстати, сложилась драматическая ситуация, связанная вообще с вопросом об их дальнейшем существовании. Поэтому спектр тем сегодняшней дискуссии достаточно широкий, и я бы хотел предложить начать наш разговор с выступления первого заместителя председателя Верховного Суда России Владимира Ивановича Радченко.

В.И. Радченко

Уважаемые коллеги! Проблема, вынесенная сегодня на обсуждение в Никитском клубе, становится, по-моему, животрепещущей и острой, потому что с судебно-правовой реформой сегодня связаны интересы не только юристов, политиков, экономистов. Эта тема касается жизни каждого гражданина нашей страны, поэтому внимание к ней со стороны общественности естественно.

В.И. Радченко

Мы часто слышим в свой адрес достаточно резкие оценки. В последнее время принято говорить, что плохо идет судебная и правовая реформы, упрекать заодно суды за плохую работу. Последний характерный пример — выступление Генерального прокурора, из которого мы услышали, что судебная реформа вроде бы у нас и не начиналась, что есть только какие-то отдельные разрозненные нормативные акты, которые не систематизированы и не дают практического результата. Это серьезный вопрос, так как если мы не дадим правильной оценки нашим достижениям в области правовой и судебной реформ, то не сможем двигаться дальше. Поэтому, я думаю, что если в ходе сегодняшней дискуссии мы сможем разобраться в том, что происходит вообще с судебной реформой и есть ли у нас положительные результаты, будет зависеть стратегия нашего дальнейшего развития.

Совершенно бесспорно, что на первом этапе стержнем правовой реформы является судебная реформа. Стояла кардинальная задача: суды, которые входят в систему органов советской власти, превратить в самостоятельную судебную власть. Каковы результаты судебной реформы, например, с 1990 г. по сегодняшний день? Прежде всего получен, с моей точки зрения, очень важный результат: компетенция судов достигла уровня, соответствующего уровню цивилизованных стран. Если когда-то для суда были закрытые зоны, суд был органом для урегулирования мелких разбирательств, то сегодня трудно найти какую-то сферу общественных отношений, где правовые конфликты не урегулировались бы обращением в суды. Сегодня судебная власть достаточно компетентна, чтобы утверждать: то, что должно быть подсудно судам, не принадлежит другим органам, и практически любой общественно значимый вопрос, любой вопрос, важный для каждого гражданина, может быть обжалован в суде и по этому вопросу будет принято судебное решение.

Следующий вопрос. Для того, чтобы решение конфликтных ситуаций (особенно таких, которые затрагивают крупные финансово-экономические интересы сторон) было объективным, судья должен обладать высокой степенью независимости. Обладает ли он такой независимостью? Нормативно — да: сегодня по действующему законодательству, в соответствии с законом "О статусе судей", судья защищен достаточно высоко. Реальную независимость при рассмотрении дела ему может обеспечить самостоятельный суд, независимый от органов власти, от имеющих общественное влияние организаций. На вопрос, обеспечена ли сегодня такая самостоятельность суда, можно ответить тоже, что нормативно — да. Фактически же есть достаточно серьезные проблемы.

Сейчас идет работа над рядом задач, стоящих перед органами судебной власти. Прежде всего, это составление качественных показателей, исполнение Конституции. Начался процесс формирования суда присяжных (правда, пока только в девяти регионах), мировых судей в Российской Федерации. Сегодня уже работают около 2000 мировых судей, что, кстати, благоприятно сказывается на стабилизации деятельности судов общей

юрисдикции, потому что мировые судьи оттянули на себя целый ряд споров. Во многих особенно важных для нас регионах этот процесс происходит очень медленно - в частности, в Москве, в Санкт-Петербурге. Это те регионы, где особенно высока нагрузка на суды, где федеральным судьям не до мелких нужд человека и где особенно нужны мировые суды.

Принят в первом чтении закон об учреждении в Российской Федерации административной юстиции. С нашей точки зрения, создание административных судов - важнейшая задача, потому что они должны обладать максимальной степенью независимости, иметь особо квалифицированные кадры, высокую степень специализации. Сегодня административные дела — дела о спорах граждан и власти — растворены в других судебных делах.

Возникает вопрос: что же получает население в результате судебной реформы, независимости судей, самостоятельности суда? Не углубляясь в пространные рассуждения, попробую показать это на цифрах.

В Российской Федерации происходит быстрый рост уголовных и гражданских дел. В 1990 г., накануне начала судебной реформы, мы имели около 520 000 уголовных и 1 450 000 гражданских дел. В 1999 г., при полуторном росте численности судей, таких дел оказалось уже соответственно 1 200 000 уголовных и 5 000 000 гражданских. Нагрузка на судей в 2000 г. составила 500 гражданских и уголовных дел, причем количество гражданских дел растет постоянно.

Эта статистика говорит также о том, как население относится к судам. Настолько ли не доверяет им, как утверждают некоторые социологи по результатам своих опросов общественного мнения? Количество гражданских обращений за годы судебной реформы выросло в четыре раза. Именно это является показателем доверия населения, потому что процедура независимого суда убеждает граждан в справедливости выносимых решений. Количество обжалованных решений по гражданским делам сократилось с 6% до 4% от числа вынесенных решений — в полтора раза при таком росте. В то время как в 80-е годы обжалованию подвергались от 27 до 30% приговоров, вынесенных судами, включая протесты прокурора; в 1990 г. — 24,5%, в 1999 г. — 14,6%. Это притом что не вводилось никаких ограничений на обжалование. Более того, суды, как известно, принимают не только квалифицированную жалобу адвоката, но и в качестве жалобы — любое письмо, написанное осужденным.

В чем же причина такого снижения обжалованных решений? Я думаю, главным образом в том, что, получив независимость, судья стал выносить приговоры, не оглядываясь на политику, как это было раньше. Справедливость выносимых приговоров в судах стала более убедительной, что вызывает доверие населения, которое все чаще обращается в суды и находит там защиту. Правда, всегда можно найти достаточно много ошибочных судебных решений, выпадающих из общего ряда. В таких случаях подаются протесты в Верховный Суд, который, действуя в порядке надзора, их исправляет.

В последние годы наблюдается стабильное снижение процента осужденных к лишению свободы по уголовным делам (38% — в 1990 г., 31,8% — в 1999 г.). Я в этом не вижу ничего плохого. С моей точки зрения, такая гуманизация наказания вполне оправдана и, возможно, даже заслуживает дальнейшего развития.

Вместе с тем нельзя сказать, что все идет хорошо. Существует ряд проблем, в которые упирается судебная реформа. Чтобы долго не останавливаться на пресловутой финансовой проблеме (важность которой понятна всем), скажу только, что в 1998 г. дело доходило до того, что некоторые суды просто прекращали прием заявлений из-за тотального отсутствия средств на зарплату, не говоря уже о марках на отправление повесток и т.д. Сейчас Рабочая группа по судебной реформе, созданная при Президенте, уделила внимание экономической стороне дела, и предполагается увеличение инвестиций в судебную деятельность.

Но финансирование, при всей его важности - все-таки вспомогательное средство. Заявление, что судебную реформу можно завершить в течение года - излишне оптимистично. Это длительный процесс, который требует материальной подготовки и разработки солидной нормативной базы. Главное состоит в том, что правовая и судебная реформы в стране не могут развиваться без реформы двух важнейших государственных институтов. Речь идет о прокуратуре и о предварительном следствии. Эти два участка превращаются уже в тормоз, который мешает проводить судопроизводство в соответствии с требованиями Конституции.

В Конституции 1993 г. записано, что строить судопроизводство необходимо на принципе состязательности. Записали, но до сих пор около половины дел в суде рассматривается без участия прокурора. А это значит, что судья превращается в обвинителя. Это притом что на одного судью в первой инстанции приходится примерно по три работника прокуратуры, которые заняты, на наш взгляд, исполнением рудиментарных функций. Например, совершенно непонятно сохранение за прокуратурой функции надзора. Гипертрофированна роль прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел. Это частное право. Стороны спорят между собой — и вдруг на стороне одной из них выступает прокурор. Насколько это обоснованно? Во всем мире главная задача прокуратуры не надзор, а уголовное преследование. В нашей стране возбуждается огромное количество дел, существует много органов, которые могут возбудить уголовное преследование. Было бы целесообразнее, чтобы этот вопрос монополизировала прокуратура, чтобы она выносила решения о необходимости возбуждения уголовных дел и несла за это ответственность.

П.Д. Баренбойм, В.И. Радченко

С нашей точки зрения, было бы правильным сегодня объединить следствие в единый аппарат. Эта идея, кстати, была разработана Рабочей группой, но так и осталась неосуществленной. А между тем, ее справедливость подтверждает голая статистика. Многие из присутствующих юристов так или иначе имели отношение к следствию, и знают, что в суды направляется чуть больше 10 дел на одного следователя. Когда я начинал работать следователем, мы завершали в прокуратуре 4, иногда 5 дел в месяц; милициские следователи завершали 8-10 дел в месяц. Не скажу, что мы тогда были сильно перегружены. Понятно, что около 2-3 тысяч особо опытных следователей должны быть отвлечены на большие групповые дела. Но основной-то вал дел — это какая-то, извините, мелочевка. Поэтому, чтобы понять, чем заняты 70000 следователей, которые у нас есть сегодня, надо, наверное, их объединить. Тогда будут видны резервы.

Опасность существования безмерного числа подобного рода производственных единиц заключается еще в том, что эти люди ищут для себя работу. На одном из совещаний из уст Генерального прокурора я услышал, что в прокуратуре где-то около 30% завершенных дел не относится к подследственности прокуратуры: вероятно, когда не хватает своих дел — берем их у милиции. Я был свидетелем такого "заимствования", когда в конце 60-х годов работал в Карелии. Образовали маленький Калевальский район

на 15 тыс. жителей, в котором поначалу всем занимался один помощник прокурора. Дел оттуда практически не поступало. Как только возник районный отдел милиции, появилась полноценная загрузка и для прокуратуры, и для суда. Почему? Раньше мужики поссорились, подрались, милиция далеко - назавтра помирились, и все этим закончилось. До суда доходили нарушения, которые действительно потрясали общественный порядок. Поэтому возвращаюсь к своей мысли о тенденции к гуманизации наказания: из числа тех 31,8% осужденных все ли дела надо было доводить до суда (приговоры без лишения свободы не опротестовывают)?

И последнее, о чем я хочу сказать. Рабочая группа внесла много полезных предложений для развития судебной реформы. Однако с некоторыми из них мы в Верховном Суде не можем согласиться. Речь идет о тех предложениях, которые, с моей точки зрения, снижают степень независимости судей. Прежде всего я отношу к этим предложениям следующее: введение дисциплинарной ответственности для судей; восстановление для них административной ответственности; установление возраста предельного пребывания в должности для председателя и заместителя председателя судов всех уровней; введение в состав квалификационных коллегий лиц, назначенных Президентом. Это наиболее серьезные вопросы, которые в совокупности очень сильно понизят, с нашей точки зрения, уровень независимости судов.

Когда при написании закона "О статусе судей" по инициативе судей Верховного Суда и руководства Верховного Суда была отменена дисциплинарная ответственность судей, мы исходили из простых фактов. Во-первых, внутри суда председатель суда не должен иметь чрезмерной власти над судьями. Во-вторых, наличие дисциплинарной ответственности - это средство давления на судью и суд со стороны других органов - СМИ, администрации и т.д. В третьих, мы исходили из того, что дисциплинарная ответственность, если быть объективными, - своеобразное средство защиты судьи от увольнения с работы: чтобы не проводить новые выборы, подбирать на место других людей, проще было объявить провинившемуся просто строгий выговор. Сейчас мы боимся, что восстановление дисциплинарной ответственности может быть использовано не только для того, чтобы приструнить какого-то нерадивого судью (для этого, кстати, достаточно товарищеского замечания), но и для того, чтобы ввести определенный административный диктат.

О сроке полномочий для председателей судов. Вроде бы сама по себе идея неплохая, чтобы человек чувствовал свою ответственность. Но это опять-таки отступление от принципов несменяемости судей. Тут не надо лукавить, в силу наделенных полномочий должность председателя суда в РФ является судебной, а не административной. С этим связаны процессуальные обязанности. Единственный суд, который построил свою работу так, что должность председателя не обременена процессуальной нагрузкой - это Конституционный Суд. Во всех остальных судах по действующему у нас порядку председатель и его заместители — это судьи. И когда председатель суда будет знать, что назначен на пять лет, то, конечно, станет вычислять, от кого будет зависеть вопрос его назначения. Учитывая, что он согласно проектам законов получает в руки такой инструмент, как возбуждение дисциплинарного преследования против судей, в том числе и тех, кто не понравился исполнительной власти, мы приходим к известному - даже существенному - отступлению от независимости судей. Это серьезные вопросы, которые нас, честно говоря, беспокоят.

Мы просим соблюдать хотя бы стандарты, существовавшие в Советском Союзе. В законе советских времен прямо написано: "Судьи всех судов избираются на 10 лет". Нам предлагают сейчас 5-6-летний срок пребывания в должности председателя. Далее в том же законе записана норма: "Не допускается задержание, привод или применение мер административного взыскания в отношении судьи". То есть административная ответственность была запрещена. Почему? Потому что были известны факты, когда милиция использовала возможность привлечения судей к административной

ответственности для оказания на них давления. Я не думаю, что сейчас у органов внутренних дел или у других органов, имеющих право собирать материалы об административной ответственности, заинтересованность в судебных решениях стала меньше, чем была в советское время.

Мы поддерживаем все прогрессивные предложения, которые направлены на повышение открытости судейского корпуса, на то, чтобы процедура назначения судей была тоже открытой. Но мы против тех предложений, которые могут превратить судью в обыкновенного управляемого, наказуемого и т.п. государственного чиновника. Это все, о чем я хотел сказать.

П.Д. Баренбойм

Мы услышали вводный — иначе не назовешь — доклад первого заместителя председателя Верховного Суда России, в котором Владимир Иванович Радченко затронул узловые проблемы. Хочу как адвокат задать один вопрос. Мы в 1985 г. с Генрихом Рубежовым написали статью, которая была опубликована в "Психологическом журнале". В ней было отмечено, что, по результатам исследований психологов, судья и секретарь при составлении протокола, утрачивают 50% содержания судебного заседания. Ходят слухи, что судам общей юрисдикции предлагали деньги на ведение стенографии для протокола, а они отказались. Было такое? И как Вы это прокомментируете?

В.И. Радченко

Истина лежит посередине. Я действительно считал этот вопрос нужным, но мои коллеги сказали, что сначала надо решить его нормативно, то есть внести в законодательство, а потом уже вводить стенографирование судебного процесса. А вопрос такой действительно был. По линии Фонда правовых реформ по моей инициативе было предложение ввести систему стенографирования судебных процессов. Правда, не тотально, а только в областных судах.

П.Д. Баренбойм

Мне все-таки хотелось бы обратить внимание на этот факт: и средства были, и дело нужное, но в практику не внедрилось.

А.В. Коротков

Я сейчас занимаюсь использованием информационных технологий, поэтому хочу спросить: нельзя ли эту проблему решить с использованием информационных технологий? Сейчас есть программы, которые позволяют читать и трансформировать речь в судебную запись. Но, наверное, это тоже требует введения определенных законодательных инициатив?

А.В. Коротков

В.И. Радченко

Я слышал о таких системах. Но говорят, что они еще несовершенно. Нужна хорошая дикция. Это будет возможно по мере совершенствования системы звукозаписи и по мере улучшения, как это правильно сказать, логопедической работы с нашими судьями.

А.В. Коротков

И еще один маленький вопрос в развитие той же темы. Сейчас к нам приходят обращения, письма от граждан в электронном виде. Мы их не рассматриваем, потому что считаем анонимными. Существует распоряжение, наверное, известное Вам, в соответствии с которым обращение считается анонимным, если оно не подписано и на нем нет адреса. Меня очень часто спрашивают на международных конференциях, как мы работаем с электронными обращениями граждан, и мне очень трудно ответить, как мы с ними работаем.

В.И. Радченко

Для нас такая проблема не актуальна, так как если поступает жалоба к ней прикладываются все необходимые судебные документы по определенному регламенту. Что касается обращений в суд, то люди обычно сами приезжают и сдают необходимые документы. Но если поступает просто письмо с благодарностью за работу или с критикой, тогда, конечно, мы примем его и по электронной почте.

А.В. Коротков

Информационные технологии стремительно развиваются. Будьте готовы, что через пару лет у нас начнут их внедрять.

П.Д. Баренбойм

Я думаю, лучше сразу согласиться на стенографию, - потом будет поздно. В арбитражных судах вообще никакой протокол не ведется, но им, правда, и денег никаких не предлагали. Я хочу дать слово Олегу Витальевичу Бойкову, заместителю председателя Высшего Арбитражного Суда, чтобы он высказал свое мнение о затронутых проблемах.

О.В. Бойков

Здесь сегодня присутствует, может быть, не такая многочисленная делегация Высшего Арбитражного Суда, как от суда общей юрисдикции, но, я думаю, дело не в числе. Хочу выразить солидарность с Владимиром Ивановичем в том, что, судебная реформа, несомненно, дала заметные результаты. Когда постоянно слышишь, что надо проводить судебную реформу, то невольно задаешься вопросом: что понимают под этим те, кто об этом говорит? Ведь концепция судебной реформы была утверждена всего-навсего 10 лет тому назад, и, наверное, нельзя каждые 10 лет принципиально менять судебную систему. У меня есть подозрение, что с существующей концепцией знакомы далеко не все, кто говорит о необходимости судебной реформы. Для начала ее надо почитать. Она достаточно революционна, и во многом еще не реализована. В чем-то она оказалась не совсем удачной, но в целом, как мне представляется, в ней намечены верные направления развития судебной реформы. Одним из таких направлений является создание специализированной ветви судебной системы, действующей в экономике, которое можно разделить на два этапа. На первом этапе - в 1991-1992 гг. - были созданы вообще арбитражные суды как суды по рассмотрению экономических споров.

О.В. Бойков

На втором этапе — в 1995 г. — в результате реформирования системы арбитражных судов были созданы окружные арбитражные суды, что существенно повысило независимость действительно судебной власти.

Я хочу поддержать Владимира Ивановича Радченко в том, что в последние годы суды вошли в жизнь общества, стали неотъемлемой ее частью. Если раньше это не считалось признаком хорошего тона, то сейчас незорно обращаться в гражданский или экономический суд для рассмотрения споров. Это и есть одно из проявлений доверия судам. Тот факт, что число обращений в арбитражные суды за последние пять лет возросло почти вдвое, а по спорам административных правонарушений (споров, ответчиком в которых является государство) - почти в 4 раза, это подтверждает. Мы считаем, что процесс принципиальных внешних преобразований в арбитражных судах уже состоялся. Арбитражные суды пережили период организационного становления, и в чем-то опередили суды общей юрисдикции, поскольку создавались практически заново. Наверное, могут быть внесены какие-то еще дополнительные не принципиальные изменения, как, например, постоянное или временное судебное присутствие в отдельных районах. Есть идея, чтобы в тех регионах, где особенно много апелляционных дел, апелляционные инстанции сделать тоже самостоятельными судами. Но все это уже не столь масштабные мероприятия.

Мы считаем, что наша задача состоит в другом. При всех положительных моментах нельзя не замечать, что в обществе существует определенная неудовлетворенность работой судов, в том числе арбитражных. Мы пытаемся понять причину этой неудовлетворенности. Упреки в том, что возможны судебные решения в пользу одной категории спорящих, не состоятельны. Скорее, те, кто обращается в суд, еще не научились подготавливать в целом судебный продукт к предпрятию. Не надо забывать, что в судебном процессе участвуют как минимум две стороны, одна из которых, увы, уходит из суда проигравшей. И никогда не бывает так, чтобы все были довольны результатом рассмотрения дела. Тем не менее, мы понимаем, что есть объективные причины, которые вызывают неудовлетворенность нашей работой.

Совершенствование работы арбитражных судов мы видим в том, чтобы суд быстро работал и решения его были справедливыми. Поэтому объектом внимания стал арбитражный процесс. В новый проект кодекса, вынесенного на рассмотрение в Думу, включен ряд принципиальных новелл, предполагающих реформирование стадии надзора, который до этого момента имел полуадминистративный характер. Можно сказать, мы идем на личные жертвы: председатель Высшего Арбитражного Суда и его заместители лишаются права привнесения протеста. Это должна быть чисто судебная процедура. Мы понимаем, что существенно прибавляем себе работу, но считаем такой шаг необходимым. Как бы много дел ни было в Арбитражном Суде, по числу их не сравнишь с делами в судах общей юрисдикции.

Нами предусмотрены и такие новшества, как возможность ведения автоматизированного протокола судебного заседания. По крайней мере, такая норма существует в проекте арбитражно-процессуального кодекса. Надеемся, что Всемирный банк выполнит свое обещание, и этот проект будет реализован.

Конечно, лицо суда и результат его деятельности определяют, прежде всего, работающие в нем люди. В целом, у нас вполне достойный корпус арбитражных судей, но, наверное, как и везде, в отношении отдельных лиц справедливы упреки. Должен сказать, что квалификационная коллегия не проявляет никакой жалости. Немало случаев, когда отстраняют от полномочий судей, руководителей судов, в том числе арбитражных. Но нас-то как раз смущает, что воздействие на судей очень ограничено. Сейчас у квалификационной коллегии практически есть только два выбора - отклонить обращение в квалификационную коллегия или лишить судью полномочий. Другого пути нет, что несправедливо. Нарекания в адрес судей часто бывают справедливыми. Но есть случаи, когда проступок не настолько серьезный, чтобы лишить судью полномочий, а оставлять его без внимания тоже нельзя. Поэтому мы не исключаем поиска мер воздействия на судей. Может быть, даже и дисциплинарной ответственности. В заключение скажу, что предлагаемые нами формы судебных преобразований, наверное, требуют совершенствования. Но нельзя отвергать наработанное, надо над ним думать и развивать дальше.

П.Д. Баренбойм

Олег Витальевич, если Вам выделяют средства, будет введен судебный протокол в арбитражном процессе?

О.В. Бойков

Безусловно будет. Как я уже говорил, у нас есть совместный проект внедрения автоматизированного протокола в Арбитражном Суде со Всемирным банком через Российский фонд правовых реформ. Более того, мы заключили также соглашение о сотрудничестве с канадским агентством, одним из пунктов которого является оказание нам содействия в организации автоматизированного протокола для начала в двух судах. Пока мы делаем только фактические записи. Но еще раз подчеркиваю, мы заложили правовую основу для такого решения и, надеюсь, сумеем его провести, потому что, во-первых, содержать секретарей судебного заседания дорого и, во-вторых, лучше идти вперед, чем догонять процесс. Хотя должен сказать, что автоматизированный протокол - тоже не дешевое мероприятие (мы видели это в некоторых судах). Дело даже не в технике, а в том, что его кто-то должен обслуживать. Это те же самые люди, которых надо содержать, оплачивать их работу. Кстати говоря, мы активно используем сеть Интернета, чтобы, скажем, информация о деятельности арбитражных судов могла быть доступна многим, в том числе клиентуре за рубежом. Высший Арбитражный Суд имеет свою страничку в Интернете, все десять арбитражных судов в субъектах Федерации тоже имеют страницы в Интернете. Более того, не считая Высшего Арбитражного Суда, почти все наши окружные арбитражные суды имеют уже печатные издания. В ближайшее время не только решения Высшего Арбитражного Суда, но решения всех окружных арбитражных судов будут открыты для доступа любому, кто пожелает с ними познакомиться.

П.Д. Баренбойм

Я знаю, что в Конституционном Суде ведутся протоколы судебных заседаний, и хочу предоставить слово Владимиру Александровичу Туманову.

В.А. Туманов

С Вашего разрешения, я потом отвечу на вопросы, в том числе и о протоколировании, тем более, что в Конституционном Суде в этом отношении все обстоит благополучно. Следуя традиции этого собрания представлять присутствующих коллег, хочу назвать его участников от Конституционного Суда - не последнего института в судебной системе. Это судьи Ольга Сергеевна Хохрякова, Людмила Михайловна Жаркова. Здесь присутствует судья-секретарь Юрий Михайлович Данилов, судья Гадис Абдуллаевич Гаджиев, сотрудники аппарата Конституционного Суда — в частности, известный юрист Лев Олегович Иванов.

В.А. Туманов

Начну же я с сюжета, несколько отдаленного от судебной реформы, а именно: с одной особенности нашего образа жизни, нашего менталитета. Я не раз замечал, что как только какое-то предприятие, учреждение, институт становятся на ноги, начинают нормально функционировать, так сразу же, откуда ни возьмись, появляются реформаторы. Наладили, например, производство пива — и вот уже нервно взволнованный главный санитарный врач требует если не закрыть пивную промышленность, то приструнить. Нечто похожее происходит и с судебной системой. Как только она встала на ноги в результате десятилетней, упорной, сложной, кропотливой работы, как только появились какие-то ощутимые результаты, так тотчас же оказалось, что надо начинать все сначала, сливать действующие юрисдикции, назначать судей на срок, как было при советской власти и т.п.

Я решительный противник такого подхода и считаю, что сделанное за прошедшие десять лет, с даты принятия концепции судебной реформы, позволяет констатировать, что в базовых параметрах она реализована. Построено, образно говоря, здание судебной системы, причем достаточно солидное. В структурной перестройке оно сегодня не нуждается. Другое дело, что общество не устраивает многое из того, что и как происходит в этом доме. Имеются существенные претензии к организации и качеству правосудия. В сложных условиях переходного периода с его новыми экономическими и социальными реалиями функциональная роль судебной власти существенно возросла и соответственно возросли и адресованные ей общественные требования и ожидания.

Очень хорошо, что общество стало понимать значение судебной системы, но некоторые ее критики явно преувеличивают возможности правосудия. Я приведу только один пример из деятельности арбитражных судов, хотя нечто похожее можно отнести и к деятельности судов общей юрисдикции. Известный тезис, который муссируется в сфере экономической информации: к нам не идут инвесторы, потому что арбитражный суд плохо решает соответствующие дела. Я бы задал такой вопрос, а почему это вдруг инвесторы побежали в арбитражный суд? С ними так "хорошо" обошлись какие-то другие инстанции, какие-то другие органы, что им житья не стало? Может быть, эти другие и виноваты в том, что инвесторы побежали в арбитражный суд, который якобы плохо решает дела?

Вы знаете известный эпизод, когда Владимир Познер обвинил Арбитражный Суд в том, что из 600 дел, якобы только одно дело было решено в пользу инвесторов, а в последующем публично принес свои извинения, потому что статистика совсем не такая:

соотношение составляет 50 на 50, и дел на порядок больше. У судов немало своих недостатков, но очень часто им приходится отвечать за недостатки законодательства, явно неудовлетворительное качество экономических законов, например, о банкротстве.

Возвращаясь к теме "реформа", хочу сказать, что Рабочая группа, которая готовила пакет документов, исходила из первостепенной важности совершенствования деятельности судов, повышения эффективности и правовой культуры судопроизводства. Здесь существенны многие факторы, о них говорил Владимир Иванович Радченко. Не в последнюю очередь — состояние судейского корпуса, его численного состава, профессионального уровня, от чего прямо зависит функционирование судебной системы.

Я согласен со всем, что говорил по этому поводу Владимир Иванович за исключением одного момента: полагаю, что дисциплинарная ответственность судей должна существовать. Разумеется, не за судебную деятельность в собственном смысле слова, но за организацию работы и порядок в суде. Повторю еще раз: речь идет не об отправлении правосудия, а об элементарной работе в судах. Вот, например, два суда рядом. В одном, вроде, есть какой-то порядок. Придешь в другой — люди мечутся по коридорам, ничего не могут понять, секретари канцелярии и судебных заседаний рычат на пожилых людей, вместо того, чтобы толком разъяснить, что им делать. Да и судьи, мягко говоря, не всегда вежливы. Поэтому, Владимир Иванович, я с Вами не согласен в том, что не должно быть дисциплинарной ответственности судей.

В.И. Радченко

А у нас для этого есть администраторы, которые получают приличную зарплату, их и надо наказывать за плохую организацию работы.

В.А. Туманов

Лучше всего вообще никого не наказывать, но состояние полной безнаказанности, как сегодня, как раз и приводит к тому, что имеем: из-за грубости и необученности персонала падает престиж судебной деятельности.

Я хочу остановиться еще на одном вопросе. На мой взгляд, в итоговых материалах Рабочей группы в статье 16 проекта Федерального закона "О некоторых изменениях в статусе судей" принято неправильное решение. Статья 16 называется "Неприкосновенность судей". Она противоречит Федеральному конституционному закону "О Конституционном Суде РФ", согласно которому в том случае, если возникает вопрос о привлечении судьи Конституционного Суда к уголовной ответственности, налагаемой в судебном порядке, то Генеральный прокурор обращается в Конституционный Суд, который решает этот вопрос на пленарном заседании. В предлагаемом проекте иная форма. Генеральный прокурор обращается не в Конституционный Суд, а в коллегиям в составе трех судей Верховного Суда, которая и решает вопрос о привлечении конституционного судьи к уголовной ответственности. Я не понимаю, как судьи одной высшей юрисдикции могут решать вопрос о привлечении к уголовной ответственности судей другой высшей юрисдикции? В отношении Конституционного Суда это выглядит, вообще, странно. Потому что при своих полномочиях Конституционный Суд выносит решения, в соответствии с которыми Верховный Суд должен предпринимать действия, с которыми он при этом не всегда согласен. Получается, что независимость конституционных судей оказывается под угрозой. К примеру, если Конституционный Суд вынес один раз решение, не понравившееся Верховному Суду (такие эпизоды бывали в нашей совместной работе, которые, правда, до сих пор кончались благополучно), другой раз, а потом, произошла, по несчастью, какая-нибудь неприятная бытовая история на улице - и вот уже коллегия из трех судей Верховного Суда готова приступить к работе. Я считаю, что тут что-то неправильно.

В заключение хочу выразить оптимистическое предположение, что новый этап судебной реформы не превратится в "долгострой". Однако даже при самом благоприятном

движении судебной реформы следует помнить, что уровень культуры правосудия в стране зависит не только от судебной системы как таковой. Здесь сказывается качество законов, которые применяет суд; позиция взаимодействующих с судами правоохранительных органов, главным образом прокуратуры, отнюдь не исчезнувшие попытки властей, политических и экономических сил воздействовать на правосудие (особенно на региональном уровне); ставшее хроническим неисполнение судебных решений, в том числе государственными органами; исторически укоренившееся в общественной психологии юрико-нигилистическое отношение к праву и правосудию.

А.С. Автономов

Я скажу два слова о законодательной деятельности и о решениях суда — насколько суды могут восполнить, скажем, недоработки законодателей. Но сначала я хочу высказать свое мнение по поводу независимости судов.

Независимость суда является краеугольным камнем любого правового государства, и мы ни за что не добьемся выполнения законов, если наш суд не будет независим. Но независимость не значит безответственность. Поскольку судебная власть является одной из ветвей власти, а как известно, система разделения власти означает не только независимость, но также и взаимодействие, взаимодополняемость системы власти, то во всем мире пошли по пути, когда никто не является судьей в собственном деле. Например, британский суд, исходил из такого принципа при пересмотре административных решений. Если между гражданином и чиновником возник спор, разрешить его должен кто-то третий, не относящийся ни к тому, ни к другому. Так же, как если спор возник между судьей и гражданином. Скажем, в той же Британии, высшие судьи отстраняются от должности по парламентскому импичменту. В США потом применили именно эту систему отстранения от должности высших судов.

А.С. Автономов

Во время своего выступления у нас в Институте государства и права британский судья, который долгое время был судьей по апелляциям, сказал: "Основа моей независимости состояла в том, что меня могли уволить до пенсии (когда он был судьей) только по процедуре импичмента через Палату общин Соединенного Королевства Великобритании". Я думаю, что такие примеры мировой практики послужили поводом для обсуждений темы независимости судей в комиссии, которую возглавляет Д.Н. Козак. Этот вопрос требует более глубокой проработки, чем просто заявления, что и как влияет на независимость судов. Мне приятно, что судьи столь открыты, они пришли сюда, чтобы обсудить важные, зачастую больные, проблемы. В конечном счете, гражданин о власти судит по своему опыту столкновений с ней, в том числе и с судебной властью, которая во многом может восполнить пробелы законов. Можно привести массу примеров, когда пробелы в законах можно восполнить и преодолеть, благодаря судебному их толкованию.

С.А. Разумов

Хочу продолжить мысль по теме нашего разговора: совершенствование и развитие судебной системы. Меня это, естественно, волнует с точки зрения судьи, который рассматривает уголовные дела, поскольку рассмотрение уголовных дел вызывает порой больше нареканий, чем гражданских. Но дело делу рознь, и сложность их самая разная.

Я абсолютно согласен с Владимиром Александровичем Тумановым и с Владимиром Ивановичем Радченко в том, что судебная система должна развиваться и совершенствоваться. Именно совершенствоваться, потому что те вопросы, которые были решены с учетом принятия ряда законодательных актов, к большому сожалению, не решили проблем, которые стоят сейчас перед нами. В частности, мы давно ставим вопрос о принятии законов о судах общей юрисдикции, принятии законов о Верховном Суде, что, как вы понимаете, с точки зрения судоустройства, будет иметь очень большое значение. Мы говорим сейчас, и очень остро говорим о том, что должен быть принят новый Уголовно-процессуальный кодекс, который давно находится в работе, которого давно все ждут. Но, с одной стороны, может быть, это и хорошо, что он находится в работе, потому что нам приходится постоянно (я являюсь членом Рабочей группы по созданию кодекса) либо анализировать, либо вносить какие-то изменения, с учетом тех реалий, которые постоянно возникают в нашем обществе в России. Это необходимо и с точки зрения вопросов внутреннего законодательства, и с точки зрения соблюдения всех международных принципов и норм, которые признаются в РФ.

С.А. Разумов

Многие из вас знают, что в апреле было проведено три парламентских слушания, где обсуждались основные позиции Уголовно-процессуального закона, связанные с общей его частью, с частью расследования и частью судебного разбирательства. И тем не менее есть еще ряд положений, которые до настоящего времени не нашли решения. Очень большая проблема, что связано, естественно, с нашей судебной реформой, - роль прокурора в процессе. Мы пытаемся убедить нашу прокуратуру, что роль прокурора — государственного обвинителя — должна быть главенствующей в процессе уголовного преследования и в обеспечении представленных доказательств в суд. Но прокуратура считает, что лучше надзирать, нежели решать эти вопросы. Я хочу вас проинформировать, что буквально в последние дни достигнута договоренность, и мы все-таки вносим в Уголовно-процессуальный кодекс свои положения, и говорим, что прокуратура, или прокурор - государственный обвинитель - это сторона в процессе, которая обязана выполнять все требования, предъявленные к уголовным преследованиям и к обеспечению предъявляемых доказательств обвинений.

Второй вопрос, который мне хотелось бы здесь поднять. Он сложный и дебатруется очень давно. Я имею в виду доступ к правосудию. Мы давно спорим, есть ли у нас в Российской Федерации такой доступ или нет. Нам говорят, что не всегда: например,

подать кассационную жалобу легче, а по надзорной жалобе бывают случаи, когда нужно отстоять большую очередь, чтобы попасть на прием и подать жалобу в надзорном порядке. Но, на мой взгляд, сам по себе доступ к правосудию состоит не в этом. И по Конституции любой гражданин такой доступ все-таки имеет. Я глубоко убежден, что присутствие в обязательном порядке лица, которое обжалует дело, в судебных заседаниях, например, кассационных или надзорных инстанций — вопрос очень спорный. Мы убеждаемся в этом все больше и больше, когда сейчас рассматриваем кассационные дела в присутствии осужденных, которые якобы приезжают к нам — я подчеркиваю: якобы — для того, чтобы дать объяснения по поводу поданной кассационной жалобы.

Я приведу один маленький пример. Такое заявление поступило от осужденного Магаданским Областным судом в апреле прошлого года. Было вынесено постановление о его доставке, в соответствии со статьей 335 Уголовно-процессуального кодекса, в связи с известным решением Конституционного Суда. Он доставлялся к нам где-то 7 месяцев, и в конце ноября он все-таки у нас появился. С учетом того, что таких, как мы называем, явочных дел было достаточно много, дело было назначено в судебном заседании на 4 января уже 2001 г. И когда мы по праву приступили к даче его объяснений по поводу его ходатайства о вызове на судебное заседание, то услышали (причем далеко не от него первого) следующее: "А мне нечего добавить, я все в кассационной жалобе изложил".

К осужденному появляется резонный вопрос: "А для чего вы все-таки ходатайствовали о вашем вызове на судебное заседание? На что он отвечает: "А я так посчитал, зная, что из Магадана у нас два этапа идет, в апреле и в ноябре, — где-то через месяц вы назначите дело. Я просто хотел встретить Новый Год в Москве". И все, больше он нам ничего не сказал. Мы вынуждены были задать ему несколько вопросов о том, как он все-таки относится к приговору, что просит по приговору, кроме того, что изложено в кассационной жалобе. Процедура его объяснений с нашей помощью заняла, ну так, пяток минут. Так вот, скажите, нужен ли нашей судебной реформе в ее развитии такой доступ к правосудию? Я считаю, что это очень спорный вопрос. А сам по себе этот доступ был ему обеспечен подачей жалобы, где были изложены все доводы относительно его приговора. Сложный, трудный вопрос, который подлежит, наверное, в конечном итоге все-таки нам решить и понять, что из себя представляет доступ к правосудию.

П.Д. Баренбойм

Я вспомнил о «Книге Судей» Ветхого Завета — знаменитом культурно-историческом памятнике. Исследователи спорят о подлинности того или иного места и события, изложенного в нем, спорят о том, были ли действительно все персонажи, упомянутые в Книге Судей, судьями в понимаемом нами смысле, или так могли называться тогда люди других занятий. Нет сомнений у теологов и историков только по поводу одного персонажа — Деборы, женщины-судьи, история о которой относится к XII веку до нашей эры. Поэтому первым судьей, упомянутым в Библии, была женщина.

Я рад приветствовать таким образом всех присутствующих на нашем заседании женщин-судей, и хочу предоставить слово нашей гостье из Санкт-Петербурга Валентине Николаевне Епифановой — первому заместителю председателя Городского суда г. Санкт-Петербурга.

В.Н. Епифанова

Спасибо за приглашение на сегодняшнюю встречу. Мы в Петербурге не можем не реагировать на то, что касается судебной реформы. Я хочу тоже остановиться на волнующем всех вопросе — независимости суда. Почему этот вопрос волнует лично всех судей? Потому, наверное, что самое большее, чего достигли судьи за последнее время — это независимость. Она нужна не для судей. Она нужна для тех людей, которые

обращаются в суд и знают, что независимость при решении того или иного вопроса даст возможность судьям вынести решение, соответствующее закону.

В.Л. Тамбовцев, Ю.И. Сидоренко, В.Н. Епифанова

Предложения о дисциплинарной ответственности судей, о которой говорят сегодня, не решат основной проблемы - престижа суда, авторитета суда. К сожалению, в наше время авторитет суда оставляет желать лучшего. Это связано со многими причинами, среди которых основная, наверное, - материальная зависимость суда. Ни для кого не секрет, что в Санкт-Петербурге более 80% судей - женщины. Я считаю, что это ненормально. Не потому, что женщины работают хуже, проблема не в этом. Проблема состоит в том, что мужчины не идут на эту работу, поскольку она мало оплачиваемая, не престижная, трудоемкая, сложная и, кроме неприятностей, ничего не приносит. Поэтому вопросов остается много. Изменения в статусе суда, заложенные в проекте судебной реформы, по моему мнению, ничего не дадут, если кардинально не изменить подход к суду, не уделить ему больше внимания.

Судьи Санкт-Петербурга убеждены, что любые предложения, которые прямо или косвенно ограничивают несменяемость и неприкосновенность судей, приведут к снижению уровня защиты прав простого человека в судах.

Я считаю, что сегодня есть возможность найти положительное решение для укрепления судебной власти в стране, и эту возможность нельзя упускать.

Г.А. Гаджиев

Я полностью солидарен с Владимиром Александровичем Тумановым и считаю, что судебная реформа как процесс продолжается уже как минимум 13 лет. Еще Министерством юстиции СССР очень многое было сделано и, может быть, мы эту деятельность еще не оценили вполне. Во всяком случае, проекты концепции судебной реформы начинали разрабатываться еще в конце 80-х годов. Я думаю, что этот процесс должен протекать эволюционно, с учетом того, что судебная власть достаточно консервативна.

Судьи по своей природе должны быть консервативными в хорошем смысле слова. Вообще, судьи — это здоровое консервативное начало, если под консерватизмом понимать сохранение всякого рода человеческих добродетелей, отсутствие излишних эмоций.

Сохрани нас Бог от каких-то преждевременных, чрезмерных и неразумных действий типа того, чтобы создать один единый Верховный Суд по образцу США. Давайте посмотрим, будет ли работать такая система в нашей стране.

Г.А. Гаджиев

Я откровенно признаюсь, что считаю американскую правовую систему совершеннее нашей, абсолютно убежден в этом, но это мое личное мнение. Я никогда бы не согласился признать, что эту систему с совершенно другими традициями возможно сейчас перенести в нашу страну.

Мне кажется, что сама по себе реформа должна проходить и, так сказать, внутри самих судей. Внешнее реформирование, конечно же, нужно, без него не обойтись. Но процесс самореформирования, изменение своего собственного сознания, осознание себя как судебной власти — вот, что сейчас самое главное для самих судей. Убежден, что судьи еще до конца не осознали всей глубины конституционной формулы "судебная власть — это власть". Я имею в виду положение статьи 10 нашей Конституции. И мы должны, в порядке самосознания, выявить, а каково же нормативное содержание этого важнейшего принципа? Того принципа, который лежит в основе организации нашего общества.

Я думаю, есть объективные показатели, с помощью которых можно определить, происходит ли становление судебной власти именно как власти, а не как учреждения в нашем обществе. Убежден, что этот процесс происходит, хотя, может быть, не так быстро, как хотелось. Вот вам первый объективный показатель. Раньше наши суды были "потребителями" законов, то есть, в лучшем случае, они давали их интерпретацию. Сейчас суды, безусловно, являются не только "потребителями", они их оценивают с точки зрения конституционности. Прежде чем применять закон, каждый судья размышляет, можно ли его применять. Потому, что он знает, что наш законодатель работает, к сожалению, очень плохо, законы очень противоречивые, доверять такому законодателю нельзя. Следовательно, надо сначала оценить этот закон. И суды общей юрисдикции самым активным образом этим занимаются. Около 100 запросов от судов общей юрисдикции и арбитражных судов поступили в Конституционный Суд России в порядке части 4 статьи 125. Судья оценивает, что он применяет. Не просто, извините за вульгарное выражение, "заглатывает" эту норму, он ее оценивает с точки зрения конституционности. Тут все, вроде бы, благополучно.

Есть второй показатель самооценки наших судов себя как власти. Здесь дело похуже. Это применение общих принципов права судьями. Пока суды чаще всего пребывают в сомнениях, можно ли нам применять общие принципы права? Хорошо ли это? Не слишком ли это, так сказать, позволительно для наших судов? Но ведь с помощью общих принципов права суд может стать законодателем в конкретном деле. Суд может очень тонко настроить действительно плохие законы. Я считаю, что очень много плохих законов. Но эта моя установка, возможно, является следствием профессиональной деформации в сознании конституционного судьи. Поэтому общие принципы права как раз

помогают где-то поправлять закон и тем самым помогать законодателю. Мне кажется, что это очень важно. Тем более, что применение общих принципов права позволяет сделать законы более нравственными. Владимир Соловьев говорил, что право - это только минимум нравственности, и только суды могут сделать применение законов более нравственным".

Есть еще один показатель самооценки судов как власти. Это прямое применение конституционных норм. И уже есть решения судов по поводу альтернативной гражданской службы. Суды признавали конституционное право на альтернативную службу при отсутствии федерального закона о ней. Такие судебные решения были в 1995-1996 гг., а потом как-то прекратились. По-видимому, нам в Конституционном Суде надо чаще показывать пример такого применения и в некоторых случаях даже "размораживания" конституционных норм.

Вот самый красноречивый пример. Мы все ждем милости от природы: когда же законодатель решит вопрос с судебным арестом. Но в истории бывают случаи, когда невозможно добиться от законодателя принятия каких-то законов. В истории США был случай в 1955 г., когда Верховный Суд США признал, что сегрегация неконституционна. Если бы проблему решал Конгресс США, то она не была бы решена. Бывают ситуации, когда суд, в порядке осознания себя как власти, берет ответственность и решает важный конституционный вопрос. Конституционный Суд может признать, что такая норма Конституции России должна действовать непосредственно. И тогда не парламент запустит этот механизм конституционной защиты граждан, а суд. Такая возможность есть. Но решение таких вопросов - это элемент судебной политики. Либо судьи должны осознать, что они власть, либо ждать, когда же законодатель что-то предпримет.

И еще объективный один показатель. Как наши суды должны относиться к случаям, когда другие ветви власти пытаются, извините, беспардонно ограничить полномочия судебной власти? Для меня совершенно непонятно, как могло произойти, что исполнительное производство находится в ведении исполнительной власти. Решения приняты судами, но, может быть, половина из них не исполняется. И управы на судебных приставов никакой не найдешь, это, ведь, другая ветвь власти. Здесь большая проблема для нашего государства - посягательство на принцип самостоятельности судебной ветви власти. Или вот сегодня я ознакомился с парламентским запросом в связи с неутверждением Правительством Российской Федерации порядка исполнения судебных решений по искам к казне РФ. Суды принимают решения по иску к государству. Суды в муках рождают эти решения, но они, оказывается, никому не нужны, потому что механизм исполнения этих решений правительством не прописан. И все на этом уровне завершается. Мы должны сами, видимо, осознавать, что мы - судебная власть. Мы не можем позволить, чтобы исполнительная ветвь власти ставила нас в такое положение, когда мы выступаем в качестве просителей. Мы не можем допускать такого положения, когда законодательная ветвь власти лишает суды их дискреционных полномочий.

Сейчас я имею в виду то обстоятельство, что для обеспечения эффективного правосудия у судов должны быть соответствующие полномочия. Принимая законы законодатель, учитывая конституционный принцип самостоятельности судебной власти, не вправе необоснованно ограничивать полномочия судов. Примером такого недопустимого ограничения может послужить, в частности, Закон о несостоятельности (банкротстве), отдельные положения которого Конституционный Суд России признал неконституционными. Основой для этого решения Конституционного Суда послужило то, что в соответствии с федеральным законом суды были лишены возможности осуществлять судебный контроль над такой процедурой банкротства как введение наблюдения. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 г. в этой связи констатировалось, что при наличии определенных формальных требований, установленных в Законе о несостоятельности (банкротстве), арбитражные суды должны были вводить процедуру наблюдения *автоматически*, то есть, не имея возможности

проверить реальность требований кредиторов к должнику. Неслучайно Конституционный Суд РФ сделал при рассмотрении данного дела важный вывод: в силу принципа самостоятельности судебной власти (ст. 10 Конституции России) законодатель не вправе лишить суд необходимых ему для осуществления правосудия дискреционных полномочий.

М.Л. Шакум

Я с огорчением выслушал здесь чрезмерные, как мне кажется, претензии некоторых судей к законодательной власти. Она, конечно, далека от совершенства, как далека от него и судебная власть. Во всем мире качество законодательства и даже несовершенство законодательства дополняется и восполняется судебной правоприменительной практикой. Это как две стороны одной медали, их нельзя разорвать, отделить одно от другого.

М.Л. Шакум

Да, мы начинаем первыми, принимая законы, но судебское продолжение, применение их на практике тоже не всегда является наилучшим. Самое лучшее для нас не кивать друг на друга, отыскивая крайнего, а поработать вместе по конкретным направлениям совершенствования законодательного процесса. Например, законодательство о банкротстве кредитных организаций, объективно и субъективно крайне сложно для судебного применения. Мы довольно высоко оцениваем качество работы по применению этого законодательства, например, в Арбитражном Суде города Москвы и уже встречались с Председателем этого суда Аллой Константиновной Большой для обсуждения вопросов как совершенствования этого законодательства, так и судебной практики по его применению.

В самом начале нашего разговора Петр Давидович Баренбойм поставил вопрос о возможности успешного проведения судебной реформы без принятия программы общей правовой реформы. Я думаю, что хотя судебная реформа является сердцевинной правовой реформы, однако, без государственной программы правовой реформы, начинающейся с совершенствования юридического образования и правосознания населения, нам все равно обойтись не удастся. Эта госпрограмма должна быть рассчитана лет на 5-10 и обязательно включать вопросы совершенствования законодательства.

Кстати, напрасно забывают, что многие законы, за которые ругают законодательную власть, приняты на основе законопроектов, подготовленных властью исполнительной. Есть общая ответственность всех ветвей власти за качество законодательства и его внедрение в жизнь. У нас по Конституции существует разделение властей, но не разделение их ответственности. Давайте не будем об этом забывать.

С.Ю. Кашкин

Дорогие коллеги! Здесь сидят все "генералы" юстиции — самые большие, самые нужные, самые умные, самые знающие люди нашей профессии. Здесь сидят главные работодатели в нашей области. У многих есть дети и внуки. Соответствует ли наша система образования требованиям судебной реформы? Главная тенденция сегодня в мире

- профессионализация деятельности судов. Также наблюдается профессионализация деятельности юридических учреждений. Хороша эта тенденция или плоха? Наверное хороша.

В Москве сегодня свыше семидесяти юридических вузов, а преподавателей сколько было, столько и осталось. И работают они уже не только головой, но и ногами, зарабатывая на жизнь в нескольких местах. В результате падает качество образования. Многие вузы не имеют должных кадров, и это очень тревожная тенденция современного юридического образования. В нашей Академии мы делаем сейчас много интересного. Например, мы создали комнату совещаний, имитирующую судебные заседания, где проводятся учебные судебные занятия. У нас введен специальный предмет по судебной системе, курс судебного красноречия на кафедре адвокатуры; правовая информатика учит будущих судей пользоваться базами данных. По методике работы (именно информационной) мы сегодня работаем в чем-то даже интереснее, чем американцы, у которых богатейшая техника, но довольно примитивный подход к пользованию базами данных. Мы шире используем метод сравнительного правоведения и опыт иностранного законодательства.

Удивительно, что государство и правительство не столько помогают образованию, сколько иногда даже мешают неразумными действиями. Было запрещено принимать вступительные экзамены в вузах по основам права, а это мешает базовой подготовке будущих юристов. Аспирантуру сейчас пытаются прижать, а это крупнейшая аспирантура в России, в которой учится четыреста пятьдесят человек. Нужна консолидация юридического образования в сочетании с высококачественной специализацией. Следует принять программу правовой реформы, важнейшей частью которой после судебной реформы, а может быть, и до нее, станет реформа юридического образования.

И.В. Капичников, С.А. Голубев, С.С. Беднов

С.А. Голубев

Судебная система — это институт, который действует как окончательный арбитр в применении норм права, обеспечивая их эффективность и исполнимость в правовой системе. Большая часть гражданских споров, рассматриваемых в суде, — это споры между частными лицами. Поэтому судебная система играет особую роль при защите основных прав человека, и именно судебная система должна гарантировать, что нормы права будут служить своей основной общественной цели — защите прав и интересов личности. В этой связи наиболее важным фактором, оказывающим влияние на надлежащее отправление правосудия, является *институт независимости судебной системы*.

Можно выделить два основных аспекта вопроса независимости судебной системы. Первый аспект — это сформулированная в статье 118 Конституции Российской Федерации *институциональная независимость судебной власти в целом*, заключающаяся в том, что правосудие может осуществляться исключительно судом и не может

осуществляться другими ветвями власти. В качестве второго аспекта можно выделить провозглашенный статьей 120 Конституции Российской Федерации *принцип личной независимости судей* и подчинения их только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Конечно, независимость судей не может означать их освобождение от ответственности: это поставило бы судей выше закона. Тем не менее, данный институт предполагает, что какие-либо меры воздействия не могут произвольно применяться по отношению к судьям органами исполнительной власти.

Конституция Российской Федерации определяет, что финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом. К сожалению, нельзя не отметить, что финансирование судов в настоящее время является явно недостаточным. Уровень материально-технического обеспечения остается крайне низким. Помещения, которые занимают суды, никак не соответствуют требованиям "храма правосудия". И в наибольшей степени это касается судов общей юрисдикции, на которые приходится большая часть всех рассматриваемых судами дел.

Недостаточное финансирование судов за счет средств федерального бюджета порождает почти повсеместное нарушение принципиальных положений Конституции Российской Федерации.

Отдельно хотелось бы остановиться на проблемах, с которыми сталкивается Центральный банк Российской Федерации при рассмотрении дел в судах с его участием. Практика проведения Банком России первого этапа реформирования банковской системы, одним из важнейших направлений которого являлась "расчистка" банковской системы от недееспособных кредитных организаций и ликвидация банков, у которых отозваны лицензии, наглядно показала, что процесс этот идет медленнее, чем нам хотелось бы. Вызвано это в том числе и тем, что недостаточность в судах специалистов, понимающих специфику банковской деятельности, зачастую приводит при рассмотрении в судах споров, связанных, в частности, с вопросами банкротства и ликвидации кредитных организаций, к противоречивым решениям судов по одному и тому же вопросу в разных инстанциях. Хотелось бы, чтобы эти недостатки были устранены как можно быстрее.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что по моему мнению по пути реформ нужно двигаться не революционным, а, исключительно, эволюционным путем. Важно не допустить в результате скоропалительных и непродуманных реформистских действий паралича судебной власти, остановки действующей "машины правосудия". Необходимо поступательное, планомерное, без резких рывков движение вперед по пути реформирования судебной системы, не отвергая имеющегося накопленного положительного опыта и сохраняя преемственность в важнейших вопросах функционирования судебной власти

Л.М. Жаркова

Участие судьи Конституционного Суда Российской Федерации в обсуждении законопроектов довольно проблематично, поскольку в соответствии с частью четвертой статьи 11 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" он не вправе публично высказывать свое мнение о вопросе, который может стать предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации. Однако в отдельных ситуациях, каковой является реформирование судебной системы, безучастное созерцание подготовки и проведения важных перемен уместно, поскольку следствием их может стать ослабление судебной власти.

О.В. Бойков, А.А. Требков, Л.М. Жаркова

Компетенция Конституционного Суда Российской Федерации, как и других судов, позволяет ему, не нарушая установленного законом порядка, в определенных законом пределах оказывать воздействие на ход судебной реформы.

Как известно, высшие судебные органы Российской Федерации имеют право законодательной инициативы по вопросам их ведения; согласно части первой статьи 104 Конституции Российской Федерации таким правом наделены Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации. Поэтому, представляется, что при выявлении в законопроектах, направленных на совершенствование правосудия, неправомерных положений, исключить которые не удастся путем согласительных процедур, суды должны представлять в законодательный орган альтернативные варианты или заключения о неконституционности либо незаконности предлагаемых изменений. Такой способ выработки оптимальных законодательных решений, исключительный по своему характеру, нужно использовать для предотвращения принятия актов, влекущих негативные последствия для деятельности судебной власти и умаляющих авторитет государственной власти в целом.

Примером подобного акта является федеральный закон Российской Федерации "О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации", установивший такой порядок формирования списков народных заседателей, в результате введения которого произошло отложение сотен дел, возникли неоправданные затраты участников процессов, дестабилизировалась и без того сложная ситуация по своевременному рассмотрению находящихся в судах общей юрисдикции обращений. Следствием действия данного закона являются появившиеся предложения об отказе от института народных заседателей. Решение же аналогичной проблемы арбитражными судами проводится с учетом итогов состоявшегося эксперимента по рассмотрению дел с привлечением арбитражных заседателей. По этому вопросу Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации внесен соответствующий законопроект в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Взаимодействие судов с законодателем по вопросам судебной реформы должно стать необходимым элементом законотворческого процесса в целях обеспечения конституционности принимаемых актов. При этом широкое обсуждение существа судебной реформы, сегодняшняя дискуссия о ее перспективах с участием представителей различных судебных органов является, на мой взгляд, залогом успешной дальнейшей работы над законопроектами.

Такое взаимодействие позволит, в частности, исключить нарушения требований части второй статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" о недопустимости преодоления юридической силы постановлений Конституционного Суда Российской Федерации о признании акта (положения) неконституционным повторным принятием этого же акта (положения), а также использовать как правовые позиции, сформулированные в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе по вопросам статуса судей,

процессуального законодательства, судебной защиты прав и свобод, так и возможности, заложенные в механизме толкования Конституции Российской Федерации, предусмотренном частью пятой статьи 125 Конституции Российской Федерации, для разрешения спорных вопросов.

Одним из самых острых вопросов законопроектов о статусе судей является предложение о введении дисциплинарной ответственности судей. Судейское сообщество в большинстве своем не поддерживает эту новеллу, в то время как объявление на практике квалификационными коллегиями судей предупреждений за невыполнение или недобросовестное исполнение своих обязанностей судьям стало по существу обычным делом. Такие факты так же, как и сведения об исключительных случаях согласия квалификационных коллегий на возбуждение уголовного дела в отношении судьи, оказались в поле зрения Конституционного Суда Российской Федерации при рассмотрении жалоб граждан на нарушение их конституционных прав положением пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации о возмещении государством вреда, причиненного при осуществлении правосудия.

Конечно, необходимо тщательно проверять, связано ли предъявление обвинения судье с его неправомерной деятельностью или спровоцировано недовольством участников процесса, проигравших дело. Порой же квалификационные коллегии судей, отказывая в удовлетворении обоснованных представлений прокуроров о привлечении судей к ответственности, просто отправляют нарушителей в отставку. Эти обстоятельства не позволяют оставлять проблему ответственности судей вне дальнейшего правового регулирования. При этом механизм ответственности судьи перед государством должен быть предельно взвешенным, отвечающим принципам деятельности судебной власти и осуществлению правосудия. В то же время институту ответственности государства за вред, причиненный действиями (бездействием) и решениями судебных органов и их должностных лиц также предстоит занять реальное место в правовой системе, исходя из вышеназванного постановления Конституционного Суда Российской Федерации о проверке конституционности пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В сфере совершенствования процессуального законодательства скорейшего разрешения требуют вопросы увеличения сроков рассмотрения дел судебными органами и уточнения норм о подсудности и подведомственности различных категорий дел. Отложение их решения до принятия новых кодексов едва ли можно считать оправданным, поскольку соблюдение норм, предписывающих рассмотрение гражданских дел в десятидневные и месячные сроки при нагрузке на судей, намного превышающей научно-обоснованную, зачастую сказывается на качестве выносимых решений. Именно поэтому данные нормы объективно нуждаются в обновлении, отвечающем задачам правосудия по всестороннему, полному и объективному рассмотрению дел, а также учитывающем международный опыт.

Так, разгрузка судов во многих странах успешно достигалась введением в правоприменительную практику альтернативных методов разрешения гражданско-правовых споров. Хорошо, что подобная практика активно распространяется и в нашей стране. Однако противоречия в законодательстве о деятельности органов по досудебному урегулированию споров, в том числе третейских судов, о порядке и процедурах исполнения их решений, заметно снижает эффективность этих важных способов разрешения правовых конфликтов и требует дополнительных и нерациональных усилий со стороны как законодателей, так и судов, с чем на практике при рассмотрении одного из последних обращений также пришлось столкнуться Конституционному Суду Российской Федерации.

В рамках судебной реформы неоправданно мало внимания уделяется проблемам функционирования судов субъектов Российской Федерации (мировых судей, конституционных (уставных) судов). В Российской Федерации формирование таких

судебных органов в соответствии со статьями 10 и 11 Конституции Российской Федерации, их взаимодействие и согласованное функционирование с федеральной судебной системой (при верховенстве Конституции Российской Федерации, едином статусе судей и единых принципах осуществления судебной власти) является мощным фактором обеспечения основ конституционного строя, успешного решения задач государства в первую очередь по защите прав и свобод человека и гражданина. Вопросы, касающиеся судебной власти, неоднократно затрагивались в различных решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Все они подлежат внимательному изучению и учету законодателем при корректировке доконституционных нормативных актов и совершенствовании вновь принятых.

А.Е. Шаститко

Результативность реформирования судебной системы как неотъемлемой части правовой (а в более широком плане - институциональной) системы в России состоит в снижении издержек разрешения споров с использованием услуг государства. Институты - важнейший фактор экономического развития в долгосрочном плане и эффективного размещения ресурсов в краткосрочной перспективе. Об этом свидетельствуют последние исследования Мирового банка о факторах экономического роста в связи с изменением роли государства, направленные на объяснение зависимости экономической динамики от качества институтов. В соответствии с исследовательской конвенцией, сложившейся в рамках новой институциональной экономической теории, важнейшими элементами любого института являются формальные и неформальные правила, а также механизмы, обеспечивающие их соблюдение. Последний компонент принципиально важен, поскольку делает правила "работающими". Вместе с тем именно постоянное и предсказуемое обеспечение соблюдения (формальных) правил - одна из наиболее острых проблем для стран с развивающейся рыночной экономикой. Иногда говорят, что жесткость законов на Руси компенсируется их систематическим неисполнением.

А.Е. Шаститко

Таким образом, судебную систему так же, как и вопросы ее реформирования необходимо увязывать с проблемами построения системы формальных правил, или правовых норм, а также учитывать существование неформальных правил, которые находятся в сложном соотношении с формальными правилами (могут быть основанием для возникновения последних, дополнять их, а также противоречить). В условиях развитого разделения труда и больших масштабов рынка значительная часть добровольных обменов между сторонами обеспечивается с помощью третьей стороны - государства, поскольку обмены в значительной мере обезличены, то есть стороны

обладают минимумом информации друг о друге. Государство обеспечивает соблюдение правил через судебную систему, обеспечивая тем самым механизм санкционирования (поощрения и наказания) поведения хозяйствующих субъектов. Судебная система - сердцевина механизма санкционирования поведения хозяйствующих субъектов, разрешения конфликта формальных прав в экономической системе.

Опросы показывают, что несмотря на более или менее приемлемые условия доступа к судебной системе (по прямым издержкам), она оказывается слишком дорогой с точки зрения времени, затрачиваемого на решение вопросов (хотя в ряде случаев это имеет обратную сторону, например, в ситуации с нарушением конкурентного законодательства, когда хозяйствующий субъект осознанно нарушает закон, рассчитывая на длительные судебные процедуры рассмотрения дела).

Экономический анализ позволяет сформулировать рекомендации по видам санкций за совершенное нарушение. Известно, что лишение человека свободы является чистыми потерями для общества, тогда как имущественная ответственность позволяет перераспределить богатство между людьми, не приводя к значительным чистым потерям. В свою очередь лишение свободы может быть экономически оправдано, если действия соответствующего человека сопряжены со значительными негативными побочными эффектами (социально опасные).

Иными словами, судебная система — один из элементов обеспечения соблюдения правил наряду с механизмами самовыполнения контрактов, организациями саморегулирования, контролирующими соблюдение их членами установленных стандартов качества и поведения на рынке. Отсюда при обсуждении вопросов реформирования полезно учитывать возможности замещения судебных процедур другими способами разрешения конфликта прав. В этом случае реальные сравнительные преимущества институциональных альтернатив станут очевидными.

Пределы использования судебного разрешения споров — особый вопрос, решение которого зависит от способности получать и эффективно использовать информацию по рассматриваемому делу. В экономической теории широко исследуются ситуации, когда суды не в состоянии верифицировать информацию, которая доступна участникам контракта. Тогда говорят о неполных контрактах с не верифицируемой (непроверяемой) судами информацией. Вместе с тем из сказанного не следует, что те же неполные контракты не могут быть при определенных условиях "достроены" судами на основе использования существующих норм. Известно, что в странах с традицией кодифицированного права, к которым следует отнести и Россию, суды специализируются на применении норм, созданных законодателем. В этом смысле принцип разделения властей прослеживается наиболее отчетливо. Такое разделение имеет обратную сторону: производитель закона (законодатель) может не слишком сильно заботиться о том, каким образом данный закон будет применяться или применим ли вообще данный закон, если обратной связью с избирателями можно пренебречь. Отсюда — рациональность частичной интеграции функций законотворчества и правоприменения, как это систематически и в массовом масштабе принято в странах с традицией обычного права, и де-факто используется в странах с развивающейся рыночной экономикой. В современных условиях де-факто возможны и действительно возникают ситуации, когда суды, заполняя бреши в законодательстве, создают прецеденты, становящиеся правовыми нормами. В России особенно широко данная практика применяется арбитражными судами. Таким образом объективно суды оказываются активными участниками реформирования правовой системы.

А.К. Большова

Хочу начать свое выступление, прежде всего, с вопроса о нагрузке судей. Я говорю везде, где только можно, что не может быть судебной реформы до тех пор, пока не будет решен вопрос о нормальной нагрузке судей. Судьи у нас падают от усталости, их увозят в

больницу прямо с рабочих мест. В данный момент в нашем суде просто катастрофическое положение: судебные составы, которые должны состоять из 10 человек, сейчас часто состоят из одного человека. Можно так работать? Думаю, что нет. Нормативы были разработаны очень давно, но не утверждены до сих пор. В материалах концепции судебной реформы, которые мне попадались (до нашего сведения не все доводят), я нигде не встречала намеков на то, что этот вопрос собираются решать. Кадровый вопрос - это не только судьи, это и аппарат специалистов. Да, действительно у нас ведет протокол судья. Закон, то есть процессуальный кодекс 1995 г., в котором это было записано, свидетельствует только о том, что его принимали не профессионалы, а люди, которые никогда не были судьями. Потому что все судьи, которые здесь присутствуют, поддержат меня в том, что судья не может вести одновременно процесс и протокол.

А.К. Большова, А.В. Захаров

Ведение процесса - сложнейший мыслительный, а не технический или физический процесс. Во время судебного процесса совершенно не допустимо отвлекать судью даже на какие-то усеченные записи. Очень хорошо, если будет введен автоматизированный протокол, но пока неплохо было бы облегчить работу судьи и поручить ведение протокола нашему аппарату.

В Государственной Думе уже принят закон об увеличении численности судей, работников аппарата судов. Но это увеличение носит случайный характер, поскольку без разработки нормативов нельзя знать, сколько должно быть судей. А их должно быть столько, сколько нужно, чтобы нормально осуществлялось правосудие. По прогнозу на 2002 г. предполагается увеличить состав судей до 4,5 тыс., а помощников - до 2 тыс. Думаю, не нужно объяснять, что если не каждый судья будет иметь помощника, то судьи окажутся в неравном положении. Кадровые вопросы нужно решать срочно, приводить все в соответствие, утверждать нормативы — тогда улучшится и правосудие.

Но механическое увеличение кадрового состава может привести к тому, что, в частности, большие суды превратятся в плохо управляемые образования. Если сейчас большой суд, как наш, состоит из 180 судей, то после того, как будут разработаны нормативы, его численность (судьи, аппарат помощников, др. специалисты) увеличится примерно в четыре раза. Поэтому нужно решать еще и организационные вопросы, обеспечивать работоспособность судов.

С моей точки зрения, можно будет считать, что судебная реформа завершена, когда действительно в результате этого мы создадим, наконец-то, правовое государство, о котором мы говорим и которое все ждем с нетерпением. Здесь говорилось о том, что с общественностью не обсуждаются вопросы правовой реформы. Я должна сказать, что с нами, судьями, которые имеют к этому непосредственное отношение, эти вопросы также

не обсуждаются. Никто не спрашивает нашего мнения, никто к нам не приходит, никто не интересуется тем, как мы живем.

Много сегодня говорили об объединении судов. Мне кажется, что если что-то работает, то не нужно ломать то, что себя оправдало. Ведь каждое преобразование, каждая реформа направлена на улучшение деятельности. Мы должны подумать, что же улучшит в деятельности судебной системы это объединение? Мы — практики, судьи, юристы — считаем, что это не только ничего не улучшит, но и ухудшит.

Я считаю, прежде чем судью назначать, прежде чем его представлять к назначению, он должен пройти учебу. Когда-то у меня была делегация Верховного Суда Греции. Судьи из Греции говорили, что у них созданы такие институты, которые три года готовят судей. Причем последние сдают экзамены, и отнюдь не все принимаются потом на работу в качестве судей.

Необходимо организовать специальное обучение лиц, претендующих на должность судьи; после сдачи экзаменов необходимо проводить и психологическое тестирование. Сейчас судьи сдают экзамены после самостоятельной подготовки, не всегда достаточной. Никакой другой проверки не проводится, и это не исключает приход судей как недостаточно подготовленных, так и не обладающих качествами, необходимыми судье при рассмотрении дел, при общении с разными людьми - представителями сторон. Необходимо перед приемом на работу проводить учебу с кандидатами на должность судебных приставов-исполнителей, так как закон о судебных приставах не предусматривает для них обязательного среднего или высшего юридического образования, а им в работе приходится совершать процессуальные действия, готовить процессуальные документы.

Мы давно уже говорим о необходимости создания банкротных судов. Дела по банкротству абсолютно специфические, которые регулируются процессуально не только арбитражным процессуальным кодексом, но и законом о несостоятельности, о банкротстве. Мы работаем над этим, тем более, что закон об арбитражных судах позволяет осуществлять правосудие на территории одного субъекта несколькими арбитражными судами.

Почти решен вопрос об отделении от судов апелляционной инстанции. Поскольку есть нарекания в наш адрес, мы должны быть более открытыми, и я думаю, что вынесение апелляционной инстанции за пределы суда — первой инстанции — повысит доверие к правосудию. Поэтому, если решили это делать, то медлить не надо.

На мой взгляд, самое главное в любых преобразованиях — не навредить. В Государственной Думе прошел закон "Об арбитражных заседателях". В отношении судов общей юрисдикции происходит какое-то облегчение процесса. С нашими же, арбитражными судами, все наоборот. По принятому закону арбитражным заседателем может быть человек просто с высшим образованием. Но когда мы проводили эксперимент по рассмотрению дел с участием арбитражных заседателей, то основывались на мировом опыте. В Дании, например, арбитражные заседатели — это специалисты по рассматриваемому вопросу. В нашем законе об арбитражных заседателях об этом не сказано ни слова. Это значит, что осуществлять правосудие могут лица, далекие от вопросов, рассматриваемых в суде. Сейчас происходит специализация споров почти во всех судах — иначе невозможно рассматривать дела. Эксперт, как говорят англичане, тот, кто знает все больше и больше о меньшем и меньшем. Мы тоже пошли по такому пути подготовки судей. И вдруг к судье-специалисту подсаживают двух заседателей, которые не разбираются в предмете спора. Это может привести не только к утяжелению процесса, его затяжке, но и принятию незаконного решения, потому что решения принимаются у нас большинством голосов. Два неспециалиста всегда будут иметь перевес против судьи.

Меня как практикующего судью, как председателя суда, находящегося в тяжелейшем положении, очень волнует, что до сих пор не принят закон "О третейских судах". Третейские суды не осуществляют правосудие, но они рассматривают дела, и отвлекают

значительное количество споров из судов первой инстанции. И если мы не решим вопрос о принятии закона о третейских судах, если они распадутся, то вся нагрузка третейских судов ляжет на нас. А в этих судах очень часто рассматриваются специфические дела, которые сейчас даже не доходят до арбитражных. Поэтому ликвидация третейских судов обернется только во вред нашему правосудию. Хочу сказать также, что нужно проводить предварительное обучение судей, судебных приставов-исполнителей, может быть, организовать учебу и третейских арбитров. Мне попался на глаза вариант концепции судебной реформы, где такое обучение предусмотрено. Очень хорошо, если это будет принято. Но из той же концепции вытекает, что адвокатом может стать любой пришедший в Министерство юстиции с предъявлением диплома, то есть без экзаменов. Без экзаменов адвокат может быть принят в адвокатское сообщество со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Юридическую фирму можно организовать вообще без всякой лицензии (эта работа не лицензируется и сейчас), и любой может оказывать юридическую помощь, правда, по гражданским делам. Но сейчас гражданские дела не более легкие, а может быть, и более сложные, чем многие уголовные дела. За гражданским делом так же, как и за уголовным, стоят судьбы людей. Юридические лица состоят из физических лиц, поэтому судьба юридических лиц не может быть безразлична. Им же будут оказывать правовые услуги люди, которые нигде не сдавали экзамен, которые, возможно, вообще не имеют должного образования. Совершенно непонятное равнодушие к квалификации адвоката - участника правосудия, который оказывает правовую помощь на деньги клиента и должен быть первым помощником судьи.

Хочу высказать свою точку зрения по поводу сказанного сегодня. Я не поддерживаю идею о том, что не должно быть дисциплинарной ответственности судей. Судья должен соответствовать предъявляемым к нему требованиям, следовать существующему у нас Кодексу чести судьи. Если судья нарушил нормы этики в ведении процесса, просто в общении с людьми, то нельзя оставлять это безнаказанным. В отношении неприкосновенности.

Я судья с очень большим стажем, и я не могу согласиться с полной неприкосновенностью судей. Вы знаете, сколько сейчас нареканий в наш адрес, обвинений в коррупции. Никто никого не привлекает к ответственности за наветы. Мне кажется, что если каждый судья будет отвечать за должностное преступление, как рядовой гражданин, эти вопросы отпадут сами по себе. Сейчас мы постоянно сталкиваемся с огульными обвинениями в коррупции, во взяточничестве. Хочу сказать, что государство нас не защищает, а оно должно вмешиваться в такие дела, потому что пресса, называясь четвертой властью, действительно узурпировала власть и может опорочить каждого, ни за что не отвечая. Сегодня в одном выступлении я услышала, что, по опросу населения, в арбитражных судах дела рассматриваются слишком долго. Это не соответствует действительности. Все мировое юридическое сообщество удивляется установленным у нас срокам рассмотрения — 2 месяца. И эти сроки, в основном, соблюдаются. У нас в арбитражных судах действительно скорое правосудие. Как это дается — другой вопрос. Но заявлять, что долго рассматриваются дела, - неправда. Это все, о чем я хотела сказать, надеясь быть услышанной.

В.М. Жуйков

Уважаемые коллеги, я с очень большим интересом выслушал все, что здесь говорилось. Почти со всем согласен. О том, с чем я не согласен, скажу чуть позже. Я не собираюсь говорить, как у нас все замечательно, что у нас нет недостатков в работе судов. Они есть, и надо очень многое сделать, чтобы их не стало.

В.И. Лафитский, В.М. Жуйков

Но для того, чтобы решить, как от этих недостатков избавиться и как сделать деятельность суда эффективнее и лучше, чтобы она выполняла свою задачу по защите прав и свобод человека, которая определена в Конституции, надо разобраться в причинах недостатков. И отделить одни причины от других — они разные. Есть объективные, которые от судей не зависят, а есть такие, которые зависят только от судьи, если он не подготовлен, если он бездельник или он не честен и так далее. А есть причины, которые, действительно, лежат в основе системы. Все надо проанализировать и решить, что реформировать в контексте судебной реформы, а от чего надо избавляться по мере совершенствования деятельности. Об этом Владимир Александрович Туманов говорил.

Примеры недостатков работы судов, о которых я часто слышу, я мог бы увеличить, так как каждый день контактирую с судьями и вижу их работу. Но я не могу не сказать, что судьи несут колоссальную нагрузку. Владимир Иванович Радченко распространил сегодня статистические данные. Я хочу обратить внимание на одно обстоятельство: количество судей за последние 10 лет возросло в полтора раза, а количество дел - почти в четыре раза. А если еще учесть, что дела по своему содержанию изменились принципиально, что суды работают в условиях законодательства, в котором не разберешься из-за огромного количества пробелов и противоречий, что суды решают исключительной важности правовые вопросы, то можно признать, что эта нагрузка возросла намного больше, чем отражают статистические данные. Поэтому, чтобы улучшить деятельность суда, надо создать судьям нормальные — я, уж, не говорю про идеальные — условия для работы по количеству судей, по количеству работников аппарата и по материальному содержанию. Без этого, к сожалению, ничего не будет.

Второе. Если говорить о некоторых итогах судебной реформы последнего десятилетия, я сказал бы, что роль суда реально возросла. Изменилось законодательство и была принята новая Конституция, в которой сказано о разделении властей, о колоссальных полномочиях судов, которых у них никогда не было. И благодаря деятельности судов общей юрисдикции, я берусь это утверждать, наша федеральная Конституция действует на всей территории РФ. В 1995 г. Верховный Суд РФ принял постановление о применении судами общей юрисдикции Конституции РФ - впервые, наверное. В отличие от предыдущей Конституции нынешняя Конституция реально действует и вменяется судами. Десятки тысяч судебных решений основаны на ней. Благодаря этим решениям защищены права очень большого количества людей.

Суды обеспечивают применение федерального законодательства на территории субъектов федерации. Суды общей юрисдикции признали огромное количество актов субъектов федерации недействительными, противоречащими федеральному законодательству. Разве это не положительный результат деятельности судов? Признавая недостатки нашей деятельности, не могу об этом не сказать. Но я хотел бы обратить внимание на другую сторону медали.

Суды сейчас решают вопросы исключительной важности. Это значит, что потребность воздействия на суды возрастает очень сильно. С одной стороны, возрастает потребность, я уверен, у подавляющего большинства рядовых граждан, у частных предпринимателей, у адвокатов, у многих других в том, чтобы суд был действительно независим и профессионально подготовлен и компетентен. Одновременно возрастает также и потребность у облеченных властью и другими полномочиями воздействовать на суды, сделать так, чтобы суды подчинялись им и были управляемыми. Потому что суды действительно решают сейчас вопросы не такие, какие они решали раньше, как, например, раздел имущества между супругами, а вопросы, кому быть губернатором в какой-то области, быть ли кому-то депутатом Государственной Думы.

У нас ведь многие получили доступ к власти только благодаря защите, которую они получили в судах, и очень многие недовольны такими решениями судов. Это надо признать. И в связи с этим, конечно же, вопрос о независимости суда сейчас становится исключительно важным. Потому что если допустить какое-то ущемление независимости, пострадают не судьи — в конце концов, кто-то уйдет, кто-то подчинится, кто-то будет бороться. Пострадают в конечном счете интересы граждан. В связи с этим, о чем уже говорили сегодня мои коллеги, у меня вызывают тревогу некоторые предложения по поводу ограничения независимости судей. Я документ не видел, но мы обсуждали предложения, которые поступали к нам, в Верховный Суд, о чем я хочу высказаться.

Мои коллеги говорили о том, что надо восстанавливать дисциплинарную ответственность, административную ответственность. Когда эти предложения рассматривают изолированно, особенно люди несведущие, не знающие тонкостей судебной работы и механизма воздействия на суд, предложения не представляют никакой опасности. Они кажутся логичными, нормальными и ясными: судья превысил скорость на автомобиле, почему его надо защищать от административной ответственности? Но при этом забывается, о чем подробно говорил Владимир Иванович, как это использовалось, чтобы запугать судью, как и в свое время фальсифицировали административные материалы и т.д. Когда же соединяешь все обстоятельства вместе, то получается очень крепкая цепь, на которую можно посадить очень многих судей. И это очень опасно, поэтому я хотел бы предостеречь от подобных предложений. Но я судья, я правоприменитель, в конце концов, решать законодателям. Законодатели решат, обсудят и выразят волю народа, примут тот или иной закон. Единственное ограничение для законодателей — это Конституция, и, если эти предложения будут приниматься простым федеральным законом, то такое недопустимо, необходим федеральный конституционный закон. Хочу обратить на это внимание не просто как судья, а как юрист.

В федеральном конституционном законе о судебной системе Российской Федерации есть статья 5, в которой написано: "В РФ не должны приниматься законы, отменяющие или умаляющие самостоятельность и независимость судей". Обратите внимание: "умаляющие независимость судей". Что такое умаление? Толковый словарь нам говорит: умаление — это уменьшение того, что существует сейчас. ФКЗ запрещает изменять статью 16 закона "О статусе судей" таким образом, чтобы независимость суда была уменьшена. Это можно сделать только путем изменения ФКЗ, поэтому наш законодатель должен это предусматривать, если он собирается ограничить независимость судьи только в форме ФКЗ. Другим путем это было бы неконституционно. Коснусь проблемы, которая возникла недавно: слияние двух судов, вернее двух систем судов, арбитражных и общей юрисдикции. Вырисовывается концепция по отношению к судебной реформе, то есть реформа - это слияние и деление чего-то с чем-то, а вы потом работайте. Если у вас что-то не получится, то это ваша вина, мы вам создали формы. Так вот, главное не то, сколько у нас будет судов, две судебных системы или три и т.д. Есть государства, хорошо вам известные, с совершенно разными устройствами судебной системы, важно то, как они работают.

С моей точки зрения, предложения, направленные на создание нового в рамках действующей системы — попытка уйти от главных проблем. Это означает заняться внешней стороной, пренебрегая содержанием. Устройство судебной системы уже достаточно четко определено Конституцией и Федеральным конституционным законом "О судебной системе Российской Федерации". Конечно, в законодательных актах можно найти много недостатков.

Я, например, не удовлетворен тем, как определены полномочия трех судов. Возникают проблемы в разграничении компетенции между этими судами, в меньшей степени — между судами арбитражными и общей юрисдикции и Конституционным Судом, в большей степени — между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, но все эти проблемы решаемы. Главное, что система определена, и определена еще в Федеральном конституционном законе. Конечно, там ошибочно, наверное, провозглашено, что у нас единая судебная система. Как таковой у нас ее нет, потому что все они действуют независимо, и, тем не менее, законодательно она у нас есть.

В Конституции определен статус суда впервые в нашей стране как статус независимого органа, самостоятельной судебной власти, и суд имеет огромные полномочия, позволяющие решить любое дело по защите прав гражданина. Определены гарантии, я подчеркиваю, гарантии очень серьезные, к сожалению, только юридические. Гигантский шаг в развитии, в проведении судебной реформы сделан, и надо теперь думать о другом, не о том, как опять кого-то местами поменять, как в известной басне. Надо создать нормальные условия для того, чтобы вся эта система работала.

Конечно, есть недостатки в разграничении полномочий, но если слить в одно целое или, наоборот, создать еще новые суды, административные суды или суды по делам несовершеннолетних, трудовые суды, семейные суды — сейчас много на этот счет предложений, — то все равно это само по себе не даст никаких результатов. Главное, еще раз подчеркиваю, это содержательная сторона. А в этой содержательной стороне я бы выделил два аспекта: во-первых, обеспечение деятельности судов. Сейчас это происходит безобразно и это главная причина зависимости судей от местной власти, от федеральной власти, профессия судьи стала непрестижной, больше половины судей — женщины, и это характерно, так как, к сожалению, в нашем обществе на непрестижных работах заняты в основном женщины. Это тревожный симптом. Надо создавать нормальные условия для работы, а это очень многим невыгодно, и судебная власть у нас в роли падчерицы, это вам всем хорошо известно.

Второй аспект — законодательство. Необходимы законы, которые обеспечивали бы нормальную работу судебного механизма: уголовно-процессуальный и гражданско-процессуальный кодексы. Без этих кодексов невозможно нормально работать. ГПК 1964 г., УПК, по моему, 1960 г., правда, по совершенствованию ГПК все же сделаны определенные шаги. В 1995 г. и в 2000 г. туда внесены серьезные изменения. Неплохо реализовали принципы и состязательности, и диспозитивности в том новом понимании, которое соответствует нашей новой правовой системе. В уголовном процессе сложнее, вы знаете, новый Уголовно-процессуальный кодекс не принят до сих пор. Если будет внесен проект Гражданско-процессуального кодекса (в этом году он практически готов), то его судьба будет примерно такой же, как УПК, потому что столкнутся ведомственные интересы и, в первую очередь, это коснется интересов прокуратуры.

Судебную реформу без реформы прокуратуры осуществлять бессмысленно. Пока статус прокуратуры будет таким, как он определен еще Конституцией СССР 1977 г., прокуратура осуществляет высший надзор. В ныне действующей Конституции о надзоре прокуратуры не сказано. В статье 129 одно предложение: полномочия определяются федеральным законом. Повторяю, пока эта проблема не решена, не будут решены все другие проблемы, в том числе и реализация конституционного принципа состязательности в уголовном и в гражданском процессе. Сейчас, по ныне действующему закону, прокурор может возбудить любое дело по расторжению брака. Формально, с точки зрения закона

препятствий нет. А в уголовном процессе, где он должен занимать активную роль и доказывать, и обеспечивать процесс доказывания и привлечения к ответственности, у него роль очень слабая.

Сегодня я много слышал о том, что судьи, Владимир Иванович об этом говорил, обвиняются, подвергаются чуть ли ни психологическому террору, потому что они освобождают из-под стражи кого-то, проверяя законность и обоснованность содержания под стражей. Но ведь этой проблемы уже давным-давно не было бы, если бы была реализована статья 22 Конституции. Я удивляюсь, почему об этом никто не говорит. С моей точки зрения, особенно после того как Конституционный Суд принял постановление по смертной казни, в котором записал, что переходный период не может быть бесконечен, что он, можно сказать, закончился, а ведь старое положение действий норм УПК, по которому арест совершается с санкции прокурора, он же не на переходный период рассчитан. Эти положения УПК уже противоречат Конституции. Но никто в Конституционный Суд по этому поводу не обращается.

Не знаю, как Конституционный Суд решил бы его. Это очень серьезно. Ведь сейчас нарушаются права граждан о неприкосновенности сна, их свободы, совершением арестов в ночное время. К сожалению, нарушения мы видим только по известным личностям, а сколько тех, кто не известен. Родственники не знают, в каком изоляторе находятся арестованные. А если бы арест совершался по решению суда, то тут никак не сделаешь это тайной. О судебной власти можно сказать то, что говорят о демократии: "Это форма очень плохая, но все остальные еще хуже". Да, судебная власть плохо работает, но все остальные еще хуже, а судебная власть с учетом публичности, возможности обжалования все же дает гарантии, защищающие граждан. В гражданском процессе у нас тоже масса проблем. Гражданских дел сейчас более пяти миллионов, и есть тенденция к увеличению количества этих дел. Связано это с расширением полномочий суда. Можно судиться с кем угодно, в том числе и с Президентом и с губернаторами, таких дел у нас огромное количество.

Но очень сложно опять-таки с Гражданским процессуальным кодексом. Два раза Верховный Суд вносил законопроекты, изменения внесены, неплохо себя зарекомендовали, но, безусловно, нужен новый кодекс. Мы говорили о действии принципа состязательности. Раньше он был отраслевым, сейчас закреплен в статье 123 Конституции, реализован в гражданском процессе, теперь стал конституционным. По гражданским делам, к сожалению, наблюдается опасная, с моей точки зрения, тенденция оттока адвокатов от участия в гражданских делах.

Я считаю, что вообще правосудие без адвоката — это не цивилизованное правосудие. Гражданам по статье 48 нашей Конституции гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Эта проблема напрямую связана с деятельностью суда. Если гражданин в суде не может получить квалифицированную юридическую помощь, то принцип состязательности не будет действовать. Либо судья из сострадания к несведущим в законах людям будет пытаться им помочь, нарушая правила своего статуса, либо он будет равнодушен, и тот, кто имеет возможность получить помощь, будет попросту обманывать другую сторону.

Сейчас отсутствие закона об адвокатуре сдерживает проведение судебной реформы. По проекту гражданско-процессуального кодекса предложения были сделаны по образцу некоторых государств, то есть предусмотреть обязательное участие адвоката по некоторым гражданским делам, но тогда адвокату должно платить государство, он не будет бесплатно участвовать по обязательным категориям дел. Следовательно, опять возникает вопрос финансирования.

Несколько слов о проблеме упрощения. Многие считают, что у нас очень сложные процедуры и предлагают упростить их, свести до формулы: привели, признался - и до свидания. Я категорический противник этого. Такое недопустимо, потому что мы в этом упрощении можем дойти до жуткого формализма и до пренебрежения правами человека.

Человек должен иметь гарантии рассмотрения его дела в суде, потому что это связано с неприкосновенностью его личности, угрожает его свободе и т.д. Гарантии должны быть для всех категорий граждан одинаковыми. Другое дело, что производство по одному преступлению займет в суде больше времени, а по другому — меньше. Но никакого упрощения не должно быть. Судьи выдвигают такие идеи от безысходности, они просто завалены делами. Конечно, в первую очередь, нужно увеличивать количество судей. Тут правосудие старо как мир и никакими, так сказать, новыми технологиями проблему не решить. Судья должен каждого выслушать, секретарь должен записать протокол, потом судья должен уйти, подумать и принять решение, и написать решение, которое было бы понятно, грамотно и с точки зрения русского языка, и с точки зрения права.

У нас нет другого выхода, кроме как увеличить число судей и создать для них нормальные условия. Но в целом я очень удовлетворен тем, что наблюдается огромный интерес к судебной реформе и у экономистов. Это, может быть, по моим наблюдениям, впервые за последние годы, обычно мы как-то варились в собственном соку. Интерес большой у Президента и в Администрации Президента. Сделано много хороших предложений. Мы все их поддерживаем и, в конце концов, я надеюсь, что деятельность суда улучшится и будет обеспечивать то, что она должна сделать по Конституции.

В.Л. Тамбовцев

Уважаемые коллеги, действительно, судебная реформа вызывает большой интерес у экономистов в силу важности судебной системы и для развития страны, и для развития самих экономических исследований в нашей стране. Практически все сюжеты, которые были сегодня озвучены, могут и должны рассматриваться под экономическим углом зрения. Я вас уверяю, по каждому сюжету есть либо достаточно разработанная экономическая модель, либо некоторая теория, или есть хотя бы некие подходы и соображения по поводу такого сюжета. Естественно, в силу богатства материала, который сегодня обсуждается, я даже и пробовать не буду затрагивать все вопросы, по которым в экономической теории существует обоснованная точка зрения, базирующаяся на ее фундаментальных положениях. Я хотел бы остановиться на одном вопросе, который Петр Давидович Баренбойм упомянул как первый из тех, которые стоит обсудить: на соотношении правовой и судебной реформ.

В.Л. Тамбовцев

С точки зрения экономической теории — той ее ветви, о которой говорил Андрей Евгеньевич Шаститко, а именно новой институциональной теории — судебная реформа представляет собой неотъемлемую часть реформы правовой системы. Правовая система страны — это часть более широкой системы правил, которые координируют и

ограничивают действия индивидов, в том числе субъектов экономической деятельности. Наряду с законами и подзаконными нормативными актами, т.е. формальными правилами, эта более общая система включает в себя и неформальные правила, которые представляют собой такую же поведенческую реальность, как и писанные нормы. Более того, иногда неформальные правила более реальны, чем правила формальные, составляющие основу правовой системы страны.

Когда неформальные правила "берут верх" над формальными? Когда формальные либо вообще не исполняются, либо исполняются неэффективно, что фактически означает, что они начинают существовать чисто номинально. Ведь для того, чтобы любое правило существовало реально, отклонения от его предписаний должны влечь за собой наказание нарушителя. Другими словами, любое *реально действующее* правило, регулирующее поведение людей, должно включать в себя не только собственно описание нормы, но и эффективно функционирующий *механизм принуждения* граждан к исполнению требований этой нормы. Очевидно, суд — теоретически — как раз и представляет собой один из наиболее эффективных механизмов принуждения к исполнению формальных правил, устанавливаемых и защищаемых государством, разумеется, вместе с системой исполнения судебных решений.

Таким образом, система правил и механизмов принуждения субъектов к их исполнению — это единая система, и ее подсистема — совокупность законов и совокупность судов — это тоже единая система. Нельзя совершенствовать отдельно законодательство, и отдельно судебную систему. Это будет напоминать ситуацию, которая описана в известном анекдоте про письмо из сумасшедшего дома, когда его обитатель пишет домой: "Нам построили бассейн с вышкой. И главный врач говорит, что когда мы научимся прыгать, нам пустят воду в этот бассейн".

Феномен неисполняемого закона — закона, который суд не принуждает исполнять в случае возникновения конфликта, — это нонсенс. К сожалению, практика (русская прежде всего) говорит о другом: неисполняемые законы есть. Конечно, причины здесь могут быть разными, но смысл их един: это невозможность реализовать принятую норму, принудить граждан ее исполнять, невозможность наказать того, кто ее нарушил. Одной из причин здесь как раз и могут выступать правила, регулирующие деятельность самого суда. С точки зрения взаимодействия правила как текста и механизма, обеспечивающего исполнение этого текста, суд экономистами рассматривается как механизм принятия решения, действующий на основе информации, которая доводится до этого механизма ветвью контроля. Существует масса способов разрешения конфликтов, которые возникают в связи с правилами общего характера (это законы) и правилами частного характера — договорами, контрактами. Судебная ветвь власти или судебная система разрешения конфликтов — это одна из многих систем разрешения конфликтов, что очень важно с точки зрения понимания важности *уровня эффективности* работы всей законодательной системы, всей правовой системы, которая движет жизнью хозяйства, жизнью граждан и так далее.

Для того, чтобы конфликты разрешались посредством суда, что имеет положительное влияние на авторитет государства в обществе, нужно, чтобы суд был конкурентоспособен, чтобы суд выигрывал, так сказать, в споре между разными способами разрешения конфликтов, выигрывал некое соревнование с точки зрения того, кто к нему обращается. Ведь понятно, что есть конфликты двух типов: во-первых, конфликты между государством и гражданином, где заинтересованным лицом выступает государство. Государство считает, что его интерес нарушен, и вот здесь включается мощная система следствия, обвинений и т.д. Суд выступает здесь как независимая организация, принимающая решение. Но, во-вторых, есть еще и масса частных конфликтов, которые, быть может, и затрагивают государство, однако в основном его не касаются. И вот здесь для сторон контракта есть большой выбор, куда им обращаться.

Это замечательно, что арбитражные суды работают хорошо. Я отнюдь не хочу сказать ничего плохого про них. Думаю, что те обследования Всемирного банка, о которых шла речь, просто имеют давнюю историю. Это было в 1993-1994 гг., когда сроки рассмотрения были большие, сейчас ситуация улучшилась. Но ведь вопрос в том, что арбитражное разрешение хозяйственного спора — один из многих способов. Если мы хотим, чтобы суд занял свое должное почетное уважаемое место, он должен выигрывать в конкурентном соревновании.

Элементарный пример — материально-техническая недооснащенность судов и, как следствие, их низкая пропускная способность, приводящая к таким издержкам для участников возможного процесса, которые могут превысить ожидаемую выгоду от решения спора в судебном порядке. В результате, они не обращаются в суд, улаживают конфликт частным образом, скрывая факт нарушения закона и т.д., а мы получаем неисполняемый закон. Конечно, с экономической точки зрения участники такого конфликта поступили эффективно, они сэкономили ресурсы, однако, внешние эффекты такой экономии оказываются для государства весьма плачевными: в обществе возникает неуважительное отношение к законам и государству вообще, поскольку есть законы, которые можно не исполнять.

Менее элементарные примеры касаются именно *правил функционирования судов*. Важнейшее среди них — *правило независимости суда и судьи*. Действительно, поскольку от решения суда зависит благополучие сторон, суд не может не подвергаться разнообразным влияниям, нацеленным на то, чтобы решение было принято в пользу той стороны, которая в случае строгого следования существующим правилам оказалась бы проигравшей. При этом ясно, что решение суда, принятое против правила, будет немедленно оспорено, а сам судья, принявший незаконное решение, подвергнется тем или иным санкциям. Стало быть, речь может идти о "решении в пользу" там, где *закон оставляет зону неопределенности*. Понятно, что ни одно правило никогда не в состоянии охватить все разнообразие возможных ситуаций, поэтому какая-то зона неопределенности неизбежна, вопрос в том, насколько она обширна, т.е. насколько велики дискреционные возможности суда. Чем они — в рамках закона — шире, тем больше должно быть давление на судью. Значит, законодатель, формирующий такую норму, создает поле для давления на суд.

Но это, однако, замечание по ходу, я же хочу сказать о другом: при наличии обширного дискреционного поля и давления от одной из сторон спора судья, разумеется, может и должен, если он независим, принимать объективное, справедливое решение. Однако представим себе, что судья "вошел во искушение" и принял "решение в пользу", хотя и внутри дискреционного поля. Если такое действие единично, оно может и пройти мимо внимания судейского сообщества. А если такие "смещенные" решения часты или систематичны? Повторяю, все решения судьи при этом — в рамках закона, даже если они и очень широкие. Есть ли необходимость квалификационной комиссии вмешиваться и "поправлять" такого судью? Если есть, то на каком основании? Если нет, то как быть с общественным мнением, авторитетом суда и т.п., с ответственностью судьи за свои решения, наконец?

А ведь эти вопросы самым непосредственным образом связаны с проблемой обеспечения независимости суда, т.е. должны получать всякий раз обоснованное решение, обеспечивающее как сохранение независимости, так и исключение из судейского сообщества неэффективных, недобросовестных судей. Как представляется, независимость и одновременно ответственность суда должна предполагать наличие *саморегулирующегося* механизма контроля и наказания внутри судейского сообщества, однако этот механизм не может не повторять в своем действии саму *судебную процедуру*, т.е. процедуру разрешения спора. А раз так, то в процедуре анализа комиссией случаев, подобных приведенному примеру, должны участвовать и *все требуемые стороны судебного процесса*: обвинение, защита, и т.п.

В связи с этим введение в состав квалификационных комиссий представителей общественности — чрезвычайно важный момент, приближающий работу такой комиссии к процедуре судебного разбирательства (естественно, они должны выступать не в роли зрителей, а в ролях упомянутых "спорящих сторон", конфликт между которыми должна разрешить "судейская часть" квалификационной комиссии; хотя, конечно, они же будут обеспечивать и определенную *публичность* процедуры, существенно снижая вероятность потенциально возможного сговора между членами комиссии).

Далее — необходим регламент для сбора и представления доказательств, методы их оценки и прочее. И, наконец, должна быть система *санкций разной степени жесткости* за установленные проступки разной степени тяжести. Перечисленные процедурные моменты обеспечения независимости и ответственности суда не менее, если не более важны, чем обеспечение материальной независимости судей.

Наконец, последнее соображение в связи с проводимой судебной реформой: законодатель принимает, как известно, разные законы, одни из которых работают для пользы развития экономики, а другие не только не помогают, но просто мешают ее функционированию. В одном из предыдущих выступлений прозвучала замечательная мысль о том, что наш суд восполняет на практике своими решениями недостатки закона. То есть мы имеем реальное движение в сторону прецедентного права, и это хорошо. Но это же стихийное движение. Кодифицированная система нашего права не то что не поощряет, она не препятствует, но и не поддерживает такой способ разрешения споров, когда суд принимает на себя функцию творца права, не интерпретатора, не простого правоприменителя, а именно творца права. Как представляется, это очень правильное движение, так что было бы замечательно для развития нашей экономики, если бы оно было поддержано в той системе правил, которые составляют сегодня судебную реформу. Более того, думается, что вопросы этой поддержки должны быть центральными в рамках обсуждения *дальнейшего движения судебной реформы*. Ведь если независимость и в то же время ответственность судей будет обеспечена, если наши суды станут более специализированными, то накапливающаяся судебная практика создаст совершенно бесценный материал с точки зрения возможностей исправлять неудачные решения законодателя, мешающие росту экономической эффективности.

П.Д. Баренбойм

Мы заговорили об эффективности решения споров. В Мексике на конференции "Инвесторы против государства", на которой мы были с Алексеем Александровичем Костиным, мексиканцы утверждали, что они вышли на второе место в мире по привлечению инвестиций после Китая благодаря тому, что имеют эффективное третейское производство. А у нас оно под угрозой. Так ли это, Алексей Александрович?

А.А. Костин

Да, Петр Давидович, мы были в Мексике и участвовали в конференции, которая в очередной раз подчеркнула значение третейского разбирательства, в том числе в области инвестиционных споров. Вместе с тем можно говорить, если не об определенных угрозах, то скорее опасениях в отношении развития третейских судов в нашей стране. О некоторых из них я попытаюсь в течение 3-4 минут доложить.

С.С. Беднов, А.А. Костин, В.Л. Тамбовцев

Уважаемая Алла Константиновна Большова обратила внимание на то, что третейские суды могут разгрузить государственные суды. Смею надеяться, что они это сделают, если их должным образом поддержать. Таким образом, они помогут судам государственным и процесс станет двухсторонним.

Тем не менее хотелось бы обратить внимание на то, что в статье 11 Гражданского Кодекса РФ третейский суд, хоть и поставлен на последнее место, идет в одной строке с судами общей юрисдикции и государственными арбитражными судами, коим в совокупности вменена обязанность защиты нарушенных или оспоренных гражданских прав. Поэтому три названные ветви юрисдикционных органов напоминают мне известную картину Владимира Васнецова "Три богатыря". Понятно, что третейский суд видится в роли Алеши Поповича. Кто Добрыня Никитич, а кто Илья Муромец это уж представители двух других ветвей разберутся. Существует, однако, известное представление о том, что третейские суды - это нечто неполноценное. О том, что это не так, можно долго говорить. Между тем третейское разбирательство - это вполне нормальный, допустимый законом и развитый во многих правовых системах способ разрешения споров, все более и более конкурентоспособный, особенно в области внешнеэкономических связей и иностранных инвестиций.

Слава Богу, проект Закона "О третейских судах", прошедший первое чтение в Государственной Думе еще в 1998 г., по имеющейся информации вроде бы сдвинулся с места. С содержанием поступивших последних предложений по этому предмету мне удалось ознакомиться. И вот что интересно, большинство предложений хорошие. Среди них присутствуют, в частности, обеспечительные меры, на которые ранее представители арбитражных судов в рабочей группе по данному законопроекту (мне довелось участвовать в работе группы в то время) абсолютно не соглашались. Сейчас ситуация должна измениться к лучшему. И это разумно, поскольку представляется более эффективным предоставить обеспечительные меры в контексте третейского разбирательства и большую часть времени на разрешение существа спора оставить за третейскими, что опять-таки должно привести к разгрузке государственных судов.

Еще несколько кратких тезисов. В упомянутых предложениях по законопроекту предусмотрено, что решения третейских судов могут быть обжалованы, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Такой подход в принципе противоречит природе третейского решения, в связи с чем представляется, что решение этого вопроса должно быть противоположным. Согласно праву большинства стран решение третейского суда является окончательным и обязательным. Такой же подход вытекает и из российского закона "О международном коммерческом арбитраже" 1993 г., имеющего в своей основе источник международного происхождения - одноименный закон, подготовленный

комиссией ООН по праву международной торговли. Возможность обжалования тем законом может быть оставлена на усмотрение сторон.

Разумеется, должен существовать и определенный контроль со стороны государственных судов за третейским разбирательством. Это может касаться порядка формирования состава арбитража (третейских судей), соблюдения процедуры, возможности спора быть предметом арбитражного разбирательства, объема третейского соглашения, наконец, публичного порядка и т.п. Вместе с тем использование такой категории, как публичный порядок, не должно приводить к вмешательству государственных судов в существование решений третейских судов.

В связи с этим может оказаться показательным следующий пример. Мосгорсуд отменил решение Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ со ссылкой на его противоречие публичному порядку России в связи с тем, что, по мнению судьи, арбитры (третейские судьи) неправильно применили две статьи ГК РФ о совместной деятельности. Такой подход суда представляется неприемлемым, не говоря уже о том, что три профессора-арбитра, вынесшие решение, в той или иной степени имели отношение к разработке указанного ГК. К счастью, позиция Верховного Суда в этом направлении вполне адекватна, благоприятна (для международного коммерческого арбитража), и мы знаем об этой позиции.

Соответственно, система государственного контроля над третейским разбирательством должна существовать, ибо, как известно, никто не может быть судьей в своем собственном деле. Однако она должна иметь место в ограниченном числе случаев, предусмотренных законом, и противостоять желанию государственных органов внедриться в существование решений третейских судов. В противном случае, если решения третейских судов попадут в систему обжалования в широком смысле, предприниматели обречены на дантову стезю, или хождения по мукам: апелляция, кассация, протест и т.д., а там "или ишак сдохнет, или эмир умрет". Такая ситуация вошла бы в принципиальное противоречие с природой предпринимательства и должна быть исключена будущим законом и судебной практикой.

Далее, для третейских судов и Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ, как старейшего отечественного третейского суда в этой сфере, важно четкое разграничение функций судов общей юрисдикции и государственных арбитражных судов в отношении третейских решений, в том числе и в первую очередь по вопросу о том, кто из них правомочен приводить в исполнение решения международных коммерческих арбитражей, будь то вынесенных на территории России или иностранных арбитражных решений. В настоящее время нормативно этим вопросом, казалось бы, должны заниматься суды общей юрисдикции, но с некоторых пор им также, так сказать, эмпирически стали заниматься и государственные арбитражные суды. В связи с этим не вполне понятным дуализмом могут возникнуть и реально возникают проблемы у отечественных и иностранных предпринимателей.

Наконец, в последнее время появляются и публикуются теории о якобы необязательности третейского (арбитражного) соглашения для сторон, о возможности его "расторжения" неисправным должником, против которого заявлен иск в согласованном третейском суде, о "не конституционности" в контексте третейского соглашения ограничения права на обращение к органам государственной юстиции. К сожалению, уже есть примеры, когда на местах судебная власть берет на вооружение указанные теории. Не имея времени привести аргументы, демонстрирующие их порочность, могу с уверенностью сказать, что, будучи воплощены в жизнь, такие теории создадут серьезный барьер на пути прогресса третейского разбирательства в России как применительно к сугубо "внутренним" спорам, так и, что немаловажно, к спорам с иностранными контрагентами и инвесторами.

Ю.М. Данилов

Я затрону буквально две темы, поскольку то, о чем я хотел сказать, сегодня уже блестяще выразил Виктор Мартенианович Жуйков. Во-первых, я благодарен Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву за то, что он вспомнил о той роли, которую Министерство юстиции еще Советского Союза играло в судебной реформе. Это я говорю не для того, чтобы вспомнить себя, Андрея Адамовича Требкова и Олега Витальевича Бойкова как бывших работников этого Министерства, а чтобы сейчас ни у кого-то не возникло желания присвоить себе звание реформаторов, родоначальников судебной системы.

Ю.М. Данилов

В действительности все то, о чем мы говорим, в большой степени обсуждалось еще в конце 80-х годов. Многие из этого реализовано, и когда говорят о том, что судебная реформа только сейчас начинается, я хочу привести блестящее подтверждение того, что она состоялась - это вся судебная система арбитражных судов. Еще, быть может, лучший пример - введение суда присяжных. Для меня этот процесс связан с датой 4 августа 1989 г., когда был принят закон "О статусе судей" в СССР. Уже этот закон впервые содержал четкие гарантии неприкосновенности судей, всей судебной системы. Этот закон заключал в себе, в том числе, и положения о квалификационных коллегиях судей: то есть то, что сейчас они собой представляют, начиналось с 1989 г. Поэтому, мне кажется, что сегодня было бы правильно говорить о дальнейшем совершенствовании правосудия в РФ, а не о начале судебной реформы.

Второе, о чем опять же говорил Гадис Абдуллаевич, и я хотел бы эту тему продолжить - это тема нашего внутреннего, я имею в виду судейского, самоутверждения. Я всегда считал, что независимость в большей степени категория нравственная. Хотя, конечно, гарантии этой независимости позволяют судьям работать спокойно. Но, главное, на мой взгляд, заключается в способности самих судей, основываясь на высоком внутреннем ощущении независимости ни от чего и ни от кого, кроме Конституции и Закона, осуществлять правосудие.

Сейчас все существо судебной реформы почему-то в средствах массовой информации сведено, в основном, к совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. А там - только к проблеме наделения судов правом санкционирования арестов и согласия на прослушивание телефонных разговоров и т.д. Между тем, этой-то проблемы со 2 февраля 1999 г. в Российской Федерации не существует.

2 февраля 1999 г. Конституционный Суд применительно к переходному периоду, о котором идет речь в заключительных и переходных положениях Конституции, высказался достаточно конкретно по такому серьезному вопросу, как суд присяжных, и констатировал с того момента окончание этого переходного периода. Более того, не далее как на последних двух пленумах Конституционный Суд РФ, рассматривая конкретные жалобы граждан, отказывая им в признании неконституционными этих норм, сказал, что отказывает им только потому, что речь в них шла о действиях, имевших место в 1996-1997

гг. То есть с 1999 г., по мнению Конституционного Суда, арест может и должен осуществляться судебными органами.

О роли прокурора в гражданском процессе. Есть Постановление от 14 апреля 1999 г., которое говорит о роли прокурора в надзорной инстанции. Там четко Конституционный Суд записал: "Эта лишь сторона в процессе, она обладает не большими правами, чем другие стороны". Мне интересно, участвовал ли прокурор вчера на Пленуме Верховного Суда РФ, когда рассматривались гражданские дела? А если участвовал прокурор, то участвовали ли все стороны в этом процессе или нет? То есть, каким образом правовая позиция Конституционного Суда здесь выполняется правоприменителем? Наверное, сама судебная система еще не всегда и не до конца использует заложенные в Конституции возможности обеспечения защиты прав граждан.

А вот, в чем я хотел бы решительно поддержать и Верховный Суд и Высший Арбитражный Суд, так это в том, что достижения последних 10-12 лет в судебной системе, обеспечивших создание действительно серьезных гарантий независимости и неприкосновенности судей, не могут и не должны умаляться. Это не просто желания судей быть какими-то неприкасаемыми. Да, есть элементы злоупотребления правами. Да, есть некоторые судьи, которые вышли уже из нормального состояния по медицинским параметрам. Это есть везде, это есть во всех странах мира. Но это та цена, которую платит и согласно платит общество за независимость судей, суда и судебной системы, и это меньшее зло, чем управляемость суда со стороны других ветвей власти.

Мне кажется, что к вопросам подобного рода надо подходить с очень большой осторожностью, с позиции "не навреди", в первую очередь. И надо сто раз подумать, в чьи руки мы отдадим дисциплинарную ответственность судей. Если мы отдадим это в руки председателя областного суда, то при тех процессуальных полномочиях, которыми уже обладает председатель областного суда, фактически распоряжаясь кредитами через судебный департамент и имея возможность оказывать влияние на подбор кадров, предполагается еще его возможность влиять и на расстановку судейских кадров. Роль этого узлового, на мой взгляд, звена в судебной системе будет гипертрофирована. Гипертрофирована и противоречива: предполагается, к примеру, фактически, оставить у председателей права по принесению протестов в надзорной инстанции, а с другой стороны, ограничить срок пребывания их в должности. Это может создать условия для внешнего воздействия на председателя, уменьшения степени его независимости и через него умаления независимости всей судебной системы.

Снижение гарантий независимости судей, на мой взгляд, это самое опасное, что может произойти. Это возвращение в те времена, от которых мы хотели уйти еще в конце 80-х годов. Это движение вспять.

В.И. Радченко

Юрий Михайлович, насчет замечания в адрес Верховного Суда. Прокурор участвует в процессе, мы вызываем и все стороны процесса.

И.В. Капичников

Я постараюсь оттолкнуться от темы, которая обозначена: "Судебная реформа: пределы и возможности", и с позиции представителя низового звена судов общей юрисдикции высказать свои вопросы по обсуждаемой теме. В проводимой судебной реформе нам на местах много что не нравится, и многое не устраивает. Разговор идет 10 лет. А не устраивает только из-за того, что на деле в районных городских судах мало что меняется.

И.В. Капичников

Как отвечал судья за груз обвинений, так он и отвечает. Как он тонул в делах, так он в них и тонет. Как прокурор читал газеты в процессе, так он и читает. А судья как был в ответе перед всеми, так и отвечает. И каждый очередной закон, в частности введенный в Московской области с февраля текущего года закон "О народных заседателях", только усложняет процедуру оперативного рассмотрения дела.

Я не буду сейчас глубоко вникать в эти проблемы. Просто удручающая картина создалась и в Домодедовском суде, и в целом в области. Только у нас в районе за месяц работы, за февраль, из-за того, что судьи не смогли сформировать состав, сорвалось 18 уголовных дел и 13 гражданских. Посмотрите, только за один месяц.

Сейчас в Московском Областном суде есть сведения за два месяца. И в большинстве своем это же уголовные серьезные дела, на 40% арестантские. Пресса сообщает, что судьи не хотят рассматривать дела, следственные изоляторы переполнены. Я хотел бы увидеть того судью, который отказывается рассматривать дела под различным предлогом.

Сегодня России и гражданам, определенно, нужен единый сильный самостоятельный суд с единым лидером, с единой судебной практикой, если хотите, с единой идеологией. Только такой суд завоеует доверие у народа. Цель любой судебной реформы, наверное, должна заключаться в этом.

У нас в России всегда было тяжело преодолеть консерватизм. Я скажу определенно, что для этого нужна сильная политическая воля, да и глубокое знание самого дела тех, кто собрался реформировать систему.

Я хочу сказать, почему нас это волнует. Тяжело у нас в общих судах-то. Судья управляет от того, что у него столько дел в сейфе, что он боится любой проверки. Многие не представляют, что такое квалификационная коллегия сегодня. Ведь у нас в России только по негативным моментам, по пункту 9.1 статьи 14 "Закона о статусе суда", больше 100 судей лишены полномочий. А сколько уходит по заявлениям? Судья боится своей работы. Я хочу еще сказать, что "пределы и возможности" далеко еще не использованы и не исчерпаны. Владимир Александрович Туманов сказал о революционной концепции судебной реформы, которая была объявлена 10 лет назад, но ведь ее в обществе никто не знает. Необходимы решения, понятные народу, судебному корпусу, юридической общественности. И цель этой реформы — построение такой судебной власти, которая бы завоевала доверие у народа. Отсутствие единства судебной системы в корпусе других государственных институтов тормозит сам ход реформы. Нет понимания, думается, от того, что нет единства во взглядах.

Наши коллеги из Конституционного Суда реформу уже закончили. Арбитражные Суды чуть-чуть подделают — и тоже все хорошо. А до общих судов она не дошла. Друзья мои, мы об этом сегодня должны говорить, происходит всплеск активности и у

законодательной власти, и у Президента в желании разобраться в судебной реформе, нам надо его использовать, а то ведь интерес пропадет еще на 10-15 лет. В государстве на сегодня нет действенной информационной политики. Становление судебной власти во многом зависит от состояния общественного мнения. Кто его сегодня формирует? Давайте оттолкнемся от этого момента. На уровне Московской области нет пресс-службы ни в областном суде, ни в управлении служебного департамента. Где она есть? Кто формирует общественное мнение о правильном поведении судьи, значимости суда в обществе? Сегодня его формируют ангажированные телеведущие, отрабатывая гонорары. Но ведь у обывателя, простите меня, глядя в телевизор, по выступлениям отдельных комментаторов волей-неволей в целом формируется негативное мнение о судебной власти.

И скажу последнее. Я человек демократических взглядов и правильно отношусь к обсуждаемой теме, и мне бы хотелось коснуться альтернативного судопроизводства, суда присяжных заседателей. В Московской области он есть, а в Москве нет. Суд присяжных есть только в 9 субъектах. Если он нужен, то давайте его внедрять. Если есть негативные наработки, есть сомнения, пора об этом тоже сказать и обменяться мнениями. У меня вопрос к присутствующим экономистам: экономически мы вытянем суд присяжных, в состоянии наше государство поставить его на ноги так, что бы он действовал повсеместно, и так, как требует того закон? Мы не можем не считаться со экономическими возможностями. Мне бы хотелось, чтобы мы ко всему подошли по-государственному и использовать сегодняшний, вроде бы, благоприятный момент. Нам нужно уметь договариваться. Я закончу словами Аристотеля об ответственности момента, которые были приведены в тексте приглашения на сегодняшнюю встречу: "Один раз правильно установленное правосудие распространяется в дальнейшем в геометрической прогрессии". Какие умные слова. Как они понятны.

П.Д. Баренбойм

Гадис Абдуллаевич, Вы поставили вопрос, который мне очень близок и очень понятен - вопрос о том, что судебная власть должна осознавать себя как власть, равная другим властям, проводящая властную политику. Не будет ли единый суд в этом смысле более независимый от исполнительной, законодательной власти, не будет ли он властью, которая себя осознает выше как власть? Мне хотелось бы услышать Ваш краткий ответ.

Г.А. Гаджиев

Нет, не будет. Вы же меня попросили краткий ответ, вот я и ответил.

В.М. Жуйков

Можно я иначе отвечу на этот вопрос? Вы знаете, это дело вкуса, в конце концов. И Гадис Абдуллаевич правильно говорил, в США — единый суд, в Европе по-другому: в Германии, по-моему, пять высших судов. Кому и как определять их количество — дело вкуса. Но к судебной системе, к изменениям в системе нужно относиться с величайшей осторожностью. Раз что-то установленное нужно менять только тогда, когда оно себя скомпрометирует и покажет свою неэффективность. Потому что судебная система, в отличие от исполнительной власти и даже от законодательной, должна быть очень стабильным механизмом. И коль скоро мы записали в Конституции нормы, давайте их не трогать. Хорошо это или плохо? В любом явлении есть как положительное, так и отрицательное. В том, что мы сейчас имеем, можно найти много недостатков. Но много и достоинств. Поэтому я бы предложил исходить из Конституции. Давайте ее уважать и лучше не трогать. Судебную систему просто так сегодня перестраивать и сливать, завтра разделять, послезавтра еще каким-то образом преобразовывать нельзя. К ней надо относиться очень и очень бережно.

Д.Н. Козак

Я хочу поздравить всех членов рабочей группы по совершенствованию правосудия, широко представленных на этой встрече, с начавшимся сегодня новым этапом совершенствования судебного законодательства. Сегодня законопроекты, подготовленные рабочей группой, преданы гласности, переданы в Государственную Думу, переданы всем трем ветвям судебной власти, прокуратуре. С ними можно познакомиться и либо усилить нагнетаемые до сегодняшнего дня страхи, либо, наоборот, развеять их.

А.В. Захаров, Д.Н. Козак, П.Д. Баренбойм

Итак, сегодня в Государственную Думу передано для обсуждения, пока в рабочем варианте, 9 документов. Первый - это федеральная целевая программа "Развитие судебной системы на период до 2006 года", которая содержит финансирование судебной системы, дополнительное финансирование по сравнению с сегодняшним в объеме 43 млрд. рублей. Здесь я отвечаю на справедливые слова Валентины Николаевны Епифановой о том, что без денег никакая реформа не состоится. Но и одни деньги без реформы ничего не дадут. В программе предусматривается увеличение штатной численности как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов; предусматривается введение дополнительной численности работников аппарата, введение должности помощника судьи.

Отвечая Алле Константиновне Большовой, скажу, что, действительно, последнее касается не всех судов, не всем судьям даются помощники. Объясню почему. Посмотрите соотношение бюджетных расходов на финансирование сотрудников аппарата и судей в Верховном Суде, судах субъектов, районных судах, в арбитражных судах, в Высшем Арбитражном Суде и в судах субъектов. В Верховном Суде соотношение финансирования судей и сотрудников аппарата 1 к 3, в судах субъектов — 1 к 2, в районных судах — 1 к 1. В Высшем Арбитражном Суде соотношение 1 к 2, а в судах субъектов — 1 к 1. Поэтому предложено пока на первом этапе ввести помощников самым нуждающимся — районным судьям. А суды субъектов и Верховный Суд, я думаю, в пределах имеющегося количества сотрудников найдут возможность дать помощника каждому судье.

Вместе с Программой в Государственную Думу представлены следующие законопроекты. Закон "О статусе судей". Да, он вызывает наибольшие споры. Здесь сегодня очень много говорилось об умалении независимости судьи, о том, что мы поворачиваем вспять. Хочу вам однозначно сказать, это мое глубокое убеждение: нормы, которые содержатся в законе, в том числе и связанные с дисциплинарной ответственностью судей, с административной ответственностью и с уголовной ответственностью судей ни на йоту ни умаляют существующую независимость судей. Попробуем проанализировать

Во-первых, что касается дисциплинарной ответственности, хотел бы сказать, что во всех странах с цивилизованной судебной системой существует дисциплинарная ответственность судей. Не отдается этот вопрос на откуп председателям судов. Вопрос о дисциплинарной ответственности должен решаться исключительно квалификационными коллегиями судей - теми органами, которые сегодня решают вопрос о досрочном прекращении полномочий судей и будут решать этот вопрос в дальнейшем.

Во-вторых, административная ответственность. Она серьезно смущает многих, оттого что может возникнуть произвол милиционеров и т.д. Это не так. До настоящего времени в действующем законодательстве существует удивительная ситуация: судьи Конституционного Суда подлежат привлечению к административной ответственности, а судьи судов общей юрисдикции и арбитражных судов не подлежат. Решение об административной ответственности, независимо от тяжести проступка, принимается по отношению к судье вышестоящим судом в коллегиальном составе в рамках процесса, установленного гражданско-процессуальным кодексом. В чем здесь умаление независимости? Сегодня мы приводим всех судей к единому статусу: еще раз говорю, у судей Конституционного Суда есть административная ответственность.

Да, мы сегодня делаем всех равными перед законом, потому что судьи тоже граждане. Мне приводят пример и говорят, что к произволу над судьей может привести превышение скорости на 10 км. Да не будет произвола. Разберется вышестоящий суд, разберутся трое судей в рамках процесса в том, было ли такое нарушение или это придирки к судье за его честную добросовестную позицию. Разберутся, я вас уверяю.

Наконец, что касается уголовной ответственности. Этот вопрос вызвал больше всего споров. В чем умалается независимость судьи, если решение о возбуждении в отношении судьи уголовного дела принимает не прокурор, а опять же вышестоящий суд? В основном тяжесть решений всех этих вопросов ляжет на Верховный Суд в коллегиальном составе. Трое судей оценят все доводы прокурора в рамках уголовного процесса, а не так, как происходит сегодня: квалификационная коллегия судей решает тайным голосованием. Наоборот, мы повысим независимость судьи. Независимость его, в конце концов, от корпоративной солидарности. Он становится таким же гражданином, но у него есть дополнительные гарантии, чтобы не допустить произвола.

Сегодня судьи Конституционного Суда высказали недоверие Верховному Суду. Они считают, что Верховный Суд не может принимать решения о возбуждении против судей уголовного дела, потому что по отношению к судьям Конституционного Суда это будет предвзято, поскольку Конституционный суд оценивает судебную практику Верховного суда. В проекте уголовно-процессуального кодекса предлагается таким же образом решить эти вопросы в отношении тех лиц, которые обладают неприкосновенностью. Я имею в виду депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации. Я имею в виду депутатов органов местного самоуправления. Я имею в виду депутатов представительных органов законодательной власти. Суд в рамках уголовного процесса должен решать вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении депутата. Суд, а не тайное голосование на заседании законодательного органа государственной власти субъекта или органа местного самоуправления. Такие нормы позволяют привести и статус судей, и статус депутатов в соответствие с действующей Конституцией — с точки зрения равенства всех перед законом.

Представлен также для рассмотрения во фракции проект Федерального конституционного закона "О внесении изменений в конституционный закон "О Конституционном Суде". Хочу возразить тем, кто утверждает, что у нас судебная реформа давно, еще в 1989 г., проведена, и нам нечего сегодня менять. Это не так. Да, достижения несомненно существуют. Они действительно не подлежат пересмотру, они заложены в концепции судебной реформы и закреплены в Конституции. Но концепция до конца не реализована. Не реализован, например, принцип состязательности сторон в судопроизводстве.

Несмотря на решения Конституционного Суда, не реализован принцип равноправия сторон. Сегодня судья, как правильно сказал Иван Васильевич Капичников, несет на себе бремя обвинения. Это с одной стороны. А с другой стороны, прокурор выступает в защиту интересов коммерческих организаций. Судья как приносил протесты на решения по гражданским делам, становясь на позиции одной из сторон, так и приносит, несмотря на решения Конституционного Суда. Мы говорим, что у нас со 2 февраля 1999 г. нет

проблемы судебных арестов. Да существует она. Вы знаете хоть одну санкцию на арест, которую дал суд? Не было такой санкции, несмотря на решение Конституционного Суда. Это означает, что что-то у нас не так: ведь, решения Конституционного Суда вступают в силу немедленно после провозглашения и подлежат немедленному их исполнению, но в жизни, оказывается, не исполняются. Закон о внесении изменений в Закон "О Конституционном Суде" как раз направлен на то, чтобы решения Конституционного Суда исполнялись в полном объеме, а не просто принимались к сведению, как это произошло у нас с уголовно-процессуальным кодексом.

Те решения просто принимаются к сведению, и мы продолжаем жить по старому закону. И в субъектах РФ: сколько бы мы ни говорили о том, что Конституция Татарстана не конституционна, например, в части руководства органами государственной власти этой республики федеральными судами, там до недавнего времени федеральные судьи все равно назначались Президентом и Госсоветом. И только огромная политическая воля Президента РФ смогла изменить эту ситуацию. Сегодня нужен жесткий механизм для того, чтобы действовала Конституция в полном объеме и немедленно реализовывалось любое решение Конституционного Суда. Далее, поправки в Уголовно-процессуальный кодекс. В этом законе воплощены те 19 решений Конституционного Суда, которые до настоящего времени не исполнены. Прежде всего, это принцип состязательности и санкционирование следственных действий, которые ограничивают права и свободы граждан судами. Этот законопроект тоже подлежит первоочередному принятию.

Закон "Об адвокатуре". Мы 10 лет никак не могли прийти к общему мнению в Государственной Думе прежде всего по вопросу, какой быть адвокатуре. Мне кажется, что нам удалось найти согласие в адвокатском сообществе. Понятно, что у всех, у каждой группы адвокатов так же, как и здесь, среди представителей судебной власти, есть свои взгляды, свое понимание, как нам строить адвокатское сообщество.

Сегодня Алла Константиновна говорила, что предусмотрено включение в состав адвокатского сообщества любых лиц, достаточно предъявить диплом, без всяких экзаменов и т.д. Это не так. Квалификационный экзамен обязателен. Предусмотрены специальная процедура формирования экзаменационной комиссии, порядок сдачи экзаменов, чтобы не было злоупотреблений, чтобы не было монополизации адвокатского сообщества определенной группой адвокатов. Предусмотрен порядок, когда главным действующим лицом является действительно адвокат, а не адвокатура. Почему у нас были споры? Были споры между теми советскими коллегиями адвокатов, которые давно на самом деле превратились в юридические фирмы, и новыми коллегиями адвокатов, которые тоже на самом деле благодаря тому, что нет правового урегулирования адвокатской деятельности, стали юридическими фирмами, которые оказывают услуги, собирают деньги, а не защищают входящих в состав адвокатского сообщества адвокатов, не представляют их интересов.

Эти разногласия преодолены. И я думаю, что нам удастся уже в течение следующего года создать полноценные органы адвокатского сообщества, которые будут выполнять необходимые адвокатам и гражданам функции, а не зарабатывать деньги. Это принципиальная позиция: не должны органы адвокатского сообщества заниматься юридическим бизнесом.

Арбитражно-процессуальный кодекс (АПК) — поправки к АПК. Принципиальными положениями являются нормы, направленные на реализацию принципа равноправия и состязательности сторон. Реальное воплощение этого принципа потребует, прежде всего, изменения роли и места прокурора в арбитражном, как, впрочем, и в гражданском процессе. Прокурор должен выступать только стороной по делу от имени государства. И только в этом случае он может обжаловать состоявшиеся решения. Никаких протестов на решения судов. Я не понимаю, почему такое возмущение вызывает у прокурорских работников исключение возможности принесения протеста на решения суда у прокурора. Ведь фактически нет прокурорского надзора за судами. Нет его, потому что, принося

протест, не прокурор, а суд принимает окончательное решение. Давайте поставим все точки над *i*, и назовем все своими именами. Приведем все в соответствие с Конституцией. Представлены также поправки к проекту закона "Об исполнительном производстве". Прежде всего, конечно, речь идет о том, чтобы повысить исполнимость судебных решений. Правосудие без исполнения судебных решений — академическая дисциплина.

Относительно передачи службы судебных приставов в судебную власть — был такой вопрос. Только знаете, как он был поставлен и почему он выпал? Он был поставлен таким образом: давайте передадим службу судебных приставов судебному департаменту при Верховном Суде. Говорим, а как это возможно? Исполнять судебные решения арбитражных судов, охранять арбитражные суды надо тоже. Нам отвечают: а пусть нас попросят, мы им и дадим. Так вопросы не решаются. Было предложение создать орган судейского сообщества, который стал бы координационным органом между тремя ветвями судебной власти, куда можно было бы передать службу судебных приставов. Этот вопрос решается в такой постановке. А когда одна из ветвей судебной власти говорит о том, что дайте нам охрану судов и исполнение судебных решений, а другая - пусть нас попросят, и мы поможем им решить эти проблемы... В организационном смысле, на самом деле, это нелепица.

Поправки подготовлены также к уже принятому в первом чтении закону "Об органах судейского сообщества", Гражданско-процессуальному кодексу, к закону "О третейских судах". Здесь возникал вопрос о третейских судах. Это, действительно, очень нужный, абсолютно необходимый в стране с рыночной экономикой негосударственный институт разрешения гражданских споров. Это демократичный институт разрешения споров, вызывающий больше доверия, чем государственные суды, по способу формирования, по процедуре, не в обиду будет сказано арбитражным судам или судьям Верховного Суда, которые разрешают гражданские споры.

Вот такие предложения. Такой пакет. Его сегодня можно открыто обсуждать, можно, я еще раз повторяю, разрушать страхи или их усиливать - это как кому нравится. Но я не считаю, что мы хоть на йоту покусились на независимость судьи. Абсолютно уверен, укрепили эту независимость, исключив, например, из процедуры назначения судьи согласование с законодательными органами государственной власти субъектов РФ и заменив форму участия субъектов РФ в формировании кадров судебных органов делегированием представителей научной и юридической общественности в состав квалификационных коллегий судей всех уровней. Такой способ формирования коллегии будет способствовать, с одной стороны, открытости в работе органов судейского сообщества, с другой стороны — уменьшит зависимость и органов судейского сообщества, и судей от органов местной власти. Поэтому я думаю, что тех, кто искренне болеет за судьбу судебной системы, за то, чтобы судья был независимый, сильный и ответственный, за выполнение той высокой миссии, которая на него возложена обществом и государством, мы можем поздравить.

П.Д. Баренбойм

Ну что ж, коллеги, я всех нас поздравляю. В течение трех часов мы были участниками исторического процесса. В заключение хочу сказать только одно. Поскольку выступление Дмитрия Николаевича мне показалось очень искренним, я хочу так же искренне пожелать ему успехов в его начинаниях.

С.П. Капица

Я могу только сожалеть о том, что не смог принять участия в живом обсуждении вопросов о судебной реформе в России в кругу авторитетных юристов, собравшихся в Никитском клубе. Мне представляется, что проведение этого обсуждения было

исключительно своевременным. Своевременным не только потому, что эта тема стала объектом внимания со стороны руководства страны. Сейчас в России как никогда важно создать опору - моральную, если хотите, опору в обществе. Раньше такой опорой была идеология, определенная система взглядов. Насколько она была правильной, удачной, не время сейчас обсуждать.

С.П. Капица

Важно, что она была и давала некую направляющую для развития общества.

Мы живем во времена больших перемен. Я думаю, именно судебная система, которая функционирует независимо и объективно служит интересам общества — есть то, на что мы можем рассчитывать в ближайшем будущем. Арбитражные суды, третейские суды, суды общей юрисдикции могут внести порядок, так необходимый сегодня в обществе, начиная с прав личности (когда права личности ущемляются или на них покушается государство) до столкновения между крупными и мелкими собственниками в сложном мире современных имущественных отношений. Именно в этом я вижу смысл состоявшегося обсуждения. И главное, наверное, заключается в том, что участниками дискуссии на первое место по важности были вынесены ясно и четко сформулированные принципы объективности и независимости судей.

Вместе с тем я думаю, что в нынешней ситуации сваливать несостоятельность судебных органов, как говорят, "на начальство", было бы крайне близоруко. Я думаю, еще очень многое зависит от самих судебных органов. Им, наверное, нужно овладеть той самостоятельностью и независимостью, которая дана им по Конституции России, и разделять возложенную на них ответственность.

Я очень рад, что именно Никитский клуб мог предоставить платформу, где на независимой и на нейтральной почве смогли встретиться самые разные представители отечественной юридической науки, действующие судьи и работники законодательных органов. Мне кажется, что для таких людей очень важно иметь арену, где они могут выступить, по существу, в личном качестве, не представляя те или иные организации, которые стоят за ними только как тени.

Для нас важно, что это люди, думающие о судьбе страны, озабоченные судьбой системы, которую представляют, в полной мере, я считаю, разделяют значимость предстоящих изменений и ответственности, которая рано или поздно ляжет на их плечи. Тогда нельзя будет сказать, что принятые ими решения кем-то или чем-то продиктованы. Решения должны быть приняты ими самими на основании собственного опыта, человеческого понимания и понимания законов.

На заседании Клуба широко и всесторонне обсуждался вопрос о независимости суда, независимости судей. С моей точки зрения, это один из центральных вопросов. У него есть две стороны. Одна — внутренняя, которая опирается на квалификацию, образование, мировоззрение того или иного судьи и чувства ответственности перед обществом (я так часто повторяю слово "*ответственность*", потому что эта важнейшая компонента в поведении людей, особенно стоящих у власти, и крайне востребованная сегодня в нашем обществе).

С другой стороны, есть обстоятельства, когда эта независимость реализуется: в какой степени судья действительно независим в материальном отношении, по своему положению, независим от угроз и давления, которые могут против него осуществляться с разных сторон, начиная с самих обвиняемых, часто обладающих не только влиянием, но и средствами? В этой атмосфере нам исключительно важно сделать все для сохранения и обеспечения всеми доступными средствами независимости судей — тем, кому мы доверяем судьбы людей. Этот вопрос обсуждался с разных сторон, что, я надеюсь, поможет как довести понимание проблемы до общественного сознания, так и принять решения для реализации необходимых действий.

Г.А. Гаджиев, В.А. Туманов

А.К. Большова, А.В. Захаров, Д.Н. Козак

**Н.М. Румянцева,
исполнительный директор
Никитского клуба**

С.П. Капица

Письменные доклады участников Круглого стола

В.И. Лафитский. К вопросу о проектах централизации судебной власти.

При обсуждении судебной реформы нередко высказываются идеи создания единой системы судебной власти, в которой не будет деления на суды конституционной, общей и арбитражной юрисдикции. Фактически речь идет о проектах формирования централизованной вертикали судебной власти, что позволит, по мнению их авторов, обеспечить более эффективное управление судами. Мне представляется, такие проекты не могут быть признаны обоснованными.

Прежде всего следует подчеркнуть, что их реализация требует изменения Конституции Российской Федерации. Пересмотру подлежат положения главы седьмой, в которой не только установлен общий принцип осуществления судебной власти посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (часть вторая статьи 118), но закреплен особый статус высших федеральных судов - Конституционного (статья 125), Верховного (статья 126) и Высшего Арбитражного (статья 127). Помимо указанных статей, должен быть пересмотрен целый ряд других конституционных норм — о порядке назначения судей высших судебных инстанций (статьи 83, 102, 128), о предоставлении таким судам права законодательной инициативы (статья 104) и т.д.

Таким образом, централизация судебной власти может быть осуществлена только в результате крупной конституционной реформы. Это неизбежно поколеблет и без того достаточно шаткий фундамент конституционной системы. Дело в том, что любое, даже незначительное обновление неизбежно лишает Конституцию таких свойств, как стабильность и устойчивость. С учетом сказанного при оценке реформаторских планов следует учитывать судьбу не только судебной власти, но и Конституции в целом.

Меня, как конституционалиста, конечно, очень пугают замыслы слияния судебной власти в единое целое. Пугают, поскольку речь, с моей точки зрения, идет о создании некоего министерства правосудия. Им очень легко манипулировать. Чем более многолика судебная власть, тем сложнее найти тех, кто позволит как угодно её разворачивать. В известной нашей пословице говорится: "Закон — что дышло...". Это грозит и суду, которым можно разворачивать, ломать, крушить и т.д. Такая тенденция существует, и она, бесспорно, опасна.

Разделение российской судебной власти на органы конституционного, общего и арбитражного судопроизводства отражает общую тенденцию к специализации судов, которая стала господствующей во всех странах мира. Не являются исключением в данном случае и Соединенные Штаты, на которые так часто ссылаются в подтверждение идей централизованной судебной системы. Однако в действительности дело обстоит там совершенно иначе. Помимо судов общей юрисдикции, существует большое число федеральных специализированных судов — Федеральный суд по делам международной торговли, Федеральный претензионный суд, Федеральный налоговый суд и т.д. Многочисленные суды специальной юрисдикции созданы также в отдельных штатах - суды права справедливости, суды по дорожно-транспортным происшествиям, по делам о банкротствах, по делам несовершеннолетних и т.д.

Специализация судов обусловлена необходимостью обеспечения квалифицированного рассмотрения соответствующих категорий судебных дел. Как правило, они рассматриваются профессионально подготовленными судьями в рамках особых процессуальных форм, что обеспечивает дополнительные гарантии защиты прав и законных интересов личности.

Судебная система Российской Федерации в целом обеспечивает надлежащий уровень специализации судов и если и нуждается в каком-либо реформировании, то только в рамках уже существующих судебных подсистем. В частности, в рамках судов общей юрисдикции должно быть проведено более последовательное оформление дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства, судопроизводства по делам несовершеннолетних и т.д.

Реформаторские планы создания централизованной системы судебной власти предполагают, что функции управления нижестоящими судами будут возложены на Верховный Суд РФ. Следствием реализации таких проектов станет создание своеобразного "министерства правосудия", которое будет полностью поглощено решением управленческих задач. Но решить таким образом насущные проблемы российских судов вряд ли удастся. Российские суды нуждаются не в централизации, а в укреплении их кадрового состава, расширении материальной базы, увеличении финансового обеспечения судов.

Судебная власть не может быть построена по образцу вертикали исполнительной власти. Суды наделены особыми функциями защиты прав и свобод личности от произвола не только других лиц, но и государства. Эти задачи наиболее эффективно могут быть осуществлены в рамках децентрализованной судебной системы. Сама идея жесткой иерархической соподчиненности судов противоречит основополагающим конституционным принципам независимости судей (часть первая статьи 120) и независимого отправления правосудия (статья 124).

Централизация судебной власти должна осуществляться не по линии унификации и вертикального построения судов, а по линии расширения их компетенции, устранения квазисудебных органов, все чаще подменяющих суды. Квазисудебные формы рассмотрения дел, применяемые некоторыми исполнительными органами власти, не имеют обоснования в Конституции. Более того, они представляют собой не что иное, как "чрезвычайные суды", создание которых запрещено Конституцией (часть третья статьи 118). Отметим также, что на практике квазисудебные процедуры нередко приобретают формы "инквизиционных процессов", в которых участвующие стороны лишены элементарных процессуальных прав. Это вторжение в конституционную компетенцию, иными словами, присвоение судебной власти. Подобные нарушения закрепленных Конституцией процессуальных прав личности должны стать предметом особого рассмотрения со стороны Конституционного Суда, а также тех органов и лиц, которые участвуют в разработке судебной реформы России.

С.Е. Вицин. Структурные перемены возможны.

Произнося привычные слова "правовое государство", мы должны задуматься над тем, что стоит за этими словами, конкретизировать эту идею. Вероятно, она может быть сведена к двум основным проблемам. Во-первых, правовое государство — это стабильные правовые законы. Я не оговорился, именно правовые законы, а наша история полна примерами, когда в стране принимались и существовали долгое время неправовые законы. Во-вторых, независимая судебная власть.

Формирование независимой судебной власти на фоне реальных исторических условий было делом очень непростым. И ныне можно услышать высказывания, что судебная реформа лишь формально состоялась, но ничего не дала. Хочется либо высказать недоумение, либо спросить у авторов этих утверждений, а могли бы они себе представить такую ситуацию, чтобы предъявлялись иски Президенту и чтобы такие иски удовлетворялись? Могли бы они себе представить ситуацию, когда судьи на самом деле становятся независимыми? Сразу скажу, что поднимавшаяся здесь проблема о несменяемости судей является важнейшим элементом, может быть, самым важным

элементом независимой судебной власти. Об этом здесь уже говорилось, но я бы хотел привести другой пример, другие аргументы на этот счет. Ахматова писала: "Ржавеет золото и истлевает сталь". На самом деле, что-то должно оставаться стабильным и в природе, и в обществе, и в мире в целом. Давайте задумаемся, почему в наиболее устойчивых государственных образованиях в определенное время меняются президенты, меняются парламенты и правительства, но не меняются произвольно законы и представители судебной власти. Их называют иногда "бессмертными". Любому американцу известно, что через четыре года будет другой президент, будет переизбран Конгресс, а девять членов Верховного Суда (как и Конституция США) были есть и будут до тех пор, пока позволит время.

Дело в том, что формирование судебной власти — процесс достаточно долгий, но так или иначе мы постепенно приходим к ситуации, когда люди все больше и больше предпочитают обращаться в суд, а не куда-нибудь еще. Когда говорят о возросшей судебной нагрузке, то порой забывают, что дело не столько в том, что совершается много преступлений. Дело главным образом в том, что миллионы обращений в суд, в том числе в арбитражный суд, результат того, что изменяется наше общество, изменяется наше государство. Изменяются экономические отношения, отношения ответственности.

В самом деле, о чем можно было спорить в сфере гражданского судопроизводства в прошлые периоды? Помнится, по статье 10 Конституции 1937 г., "Сталинской Конституции", в составе личной собственности могли быть: мелкий сельхозинвентарь, дом - это обычно крестьянская хижина, и вещи, которые необходимы в быту — костюм, шкаф, комод. Если поднять архивы того времени, мы увидим, что тогда делили в судах. Когда же появляется настоящая собственность, возникают "рыночные отношения" и, естественно, возникает очень важная и большая сфера споров по поводу собственности, подтверждения права собственности и т.д. При этом выявляются несовершенство правосудия. Назову всем известные обстоятельства: до сих пор нет Гражданско-процессуального кодекса, Уголовно-процессуального кодекса, а ведь судебная власть - это судебная процедура. Пока судебная процедура не будет полностью предусмотрена надежными правовыми актами, вряд ли можно говорить о строительстве правового государства. Если судебную власть представить в категориях управления, то наряду с функциями судопроизводства должна быть и соответствующая структура.

Присутствующие здесь мои коллеги по распоряжению Президента РФ подготовили еще в 1997 г. проект закона о судах общей юрисдикции, он дошел до Думы, но так и остался в ее анналах. Нельзя не вспомнить, что пока структурно не выстроена судебная система, вряд ли можно всерьез говорить о том, что будут разработаны и процедурные ее аспекты, то есть судопроизводство гражданское и уголовное.

Здесь говорилось, что преждевременно ставить и обсуждать вопрос о слиянии судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Разумеется, есть аргументы и в пользу одной, и в пользу другой точки зрения, но ведь, по существу, у нас одно судопроизводство - гражданское, это следует из Конституции. Продолжая эти рассуждения, надо признать, что суды должны действовать в рамках единого гражданского судопроизводства, и нельзя разделять гражданское судопроизводство между двумя системами судов. В то же время, нельзя не учитывать того, что современная система арбитражных судов пришла к нам из прошлого: ведомственный арбитраж и государственный арбитраж, на каком-то историческом этапе были коммерческие суды, в 20-х годах были торгово-промышленные суды в Российской Федерации. Но эта проблема в настоящее время не столь актуальна. Я думаю, что более важно рассмотреть соотношение в нашем законодательстве и в нашей правоприменительной практике публичных и частных начал в праве. Это очень тесно связано с видами правосудия. Я понимаю, что такие подходы несколько схематичны, и мы, например, хорошо себе представляем, что уголовное право и уголовное судопроизводство основаны на публичных началах. Государство выступает против определенной личности, совершившей преступление, затрагивающее интересы общества в

целом. Хотя и в уголовном праве есть дела частного обвинения. Что касается гражданского права (и судопроизводства), то здесь это как раз то, где выступают друг против друга любые лица и объединения, здесь каждый может предъявлять друг другу притязания. Но должен быть специальный, отдельный хорошо организованный вид судопроизводства, где на первое место ставятся личность, которая может выступать против государства. Речь, собственно, идет об административном судопроизводстве, но не в том виде, в каком мы его раньше понимали, как судопроизводство по поводу мелких правонарушений. Это особая сфера судопроизводства, которая была у нас недооценена, и которая, конечно, должна быть учтена в рамках последующего реформирования судебной системы.

Я затрагивал вопрос о независимости судей, о самостоятельности судебной власти, и я думаю, очень важно (хотя этот вопрос может показаться на первый взгляд формальным) посмотреть на структуру судебной системы. Я имею в виду прежде всего суды общей юрисдикции. По существу, если мы говорим о принципе доступности правосудия, о том, что суд это то, что должно быть обращено в первую очередь к личности, к человеку, то мы должны реализовать ту идею, которая сейчас заложена в одной из норм закона о мировых судьях. Есть пятнадцать, тридцать тысяч населения — будьте любезны, обеспечьте мирового судью. Дальше по этой схеме: есть, скажем, сто тысяч населения - пусть будет районный суд, независимо от того, как строятся административно-территориальные границы. Административно-территориальные границы - это для исполнительной власти, для государства, а для граждан необходима система, когда любой человек мог бы реально обратиться к правосудию. Вы догадываетесь, о чем дальше пойдет речь - судебные округа. И тогда исчезнут все поползновения со стороны исполнительной власти, свидетелями которых мы являлись, когда Президент одной не очень заметной на карте, но очень заметной по притязаниям республики уволил председателя Верховного суда. Потребовалось много усилий, чтобы справедливость восторжествовала. Разумеется, когда окружной суд мог включать территории нескольких областей или на территории региона было несколько судов, мысль о том, чтобы как-то воздействовать на судебную систему была бы недопустима. Наконец, я не могу не остановиться на нескольких вопросах, связанных с принципом состязательности правосудия. Это краеугольный камень любой системы правосудия, и на конференции по проекту УПК наиболее острые проблемы возникали вокруг принципа состязательности.

Уголовное судопроизводство не может начаться без обвинения: если нет в суде стороны обвинения, то какой может быть процесс? Значит все претензии к той стороне, которая представлена обвиняемым. Хотелось бы кратко затронуть проблему диспозитивности. Она мне кажется особенно близкой и важной с точки зрения уголовного правосудия. В Гражданском судопроизводстве совершенно ясно, что стороны вправе распоряжаться своими исковыми требованиями, притязаниями, отказаться от них или настаивать на них. А наша система уголовного судопроизводства сложилась таким образом, что в ней преобладает традиционно публичное начало. Мы считаем, что, если человек совершил преступление, то необходимо не смотря ни на что применять уголовный и уголовно-процессуальный кодекс, независимо от мнения потерпевшего. Однако потерпевший должен иметь широкие права в уголовном судопроизводстве, в том числе права на примирение с обвиняемым.

В нашей стране совсем недавно переведена книга канадского юриста Зэра "Восстановительное правосудие". Если мы перестанем ориентироваться лишь на тенденции карательного правосудия, а у нас и так миллионы людей проходят через тюрьмы, то нам надо эти примирительные процедуры допускать с момента обращения в правоохранительные органы и до вынесения приговора. Здесь есть одна существенная опасность. В этом случае можно откупаться от уголовной ответственности, можно каким-то образом воздействовать на потерпевших. Но дело в том, что и правоохранительные органы и суд должны следить за тем, чтобы эти примирительные процедуры были

реализованы в соответствии с законом и не нарушали в значительной мере публичного интереса.

Согласитесь, что наш бедный обыватель предпочтет, чтобы вместо того, чтобы человека, укравшего на его садовом участке несколько мешков картофеля, не сажали в тюрьму, а чтобы он восстановил тот ущерб, который ему нанесен. В пользу расширения принципа диспозитивности в уголовном судопроизводстве можно привести множество примеров. В литературе описан случай, когда известный всей стране деятель культуры заявляет о пропаже фамильных драгоценностей, милиция находит преступника — это его несовершеннолетний сын, пьяница и наркоман, который ушел из дома и вместе с друзьями совершил кражу. Этот человек обращается снова в милицию с просьбой отдать ему заявление обратно. Но в милиции ему отказывают: "Нет. Мы возбудили уголовное дело, нашли преступника. Мы не имеем права отпустить этого человека". Таким образом, потерпевший лишился ценностей, лишился в известной среде своей репутации, он очень опасался, что это станет известно огромному городу, где он жил, сына посадят в тюрьму и так далее. А ведь мы не можем недооценивать того, что такая ситуация подталкивает людей к тому, чтобы не обращаться в правоохранительные органы. Я думаю, что проблемы, которые здесь затронуты, в известном смысле вечные, как вечна сама жизнь. Разумеется, поскольку нет предела совершенству, то мы должны в этих новых очень непростых условиях искать наиболее логичные обоснованные решения с точки зрения права и наиболее эффективные формы реализации судебной власти.

Л.О. Иванов. Реальность судебного контроля.

Прежде всего, хотелось бы заметить, что если в начале 90-х годов со словами "судебная реформа" связывалась цельная концепция глубокого реформирования всей системы отправления правосудия, включая как сами институты судебной власти, так и законодательство, то теперь, десять лет спустя, под этим словосочетанием имеется в виду лишь предполагаемое внесение изменений в законодательные акты о статусе судей, прокуратуре ГПК, УПК и некоторые другие.

При этом в центре внимания идущей в последние месяцы дискуссии почти исключительно находятся лишь вопросы ответственности судей, способа формирования квалификационных коллегий судей, передачи от прокуратуры судам санкционирования ареста, ограничение общенадзорных функций прокуратуры. Конечно, введение этих законодательных новелл, по всей видимости, позитивно скажется на обеспечении права граждан на судебную защиту, но именовать все это судебной реформой, по-моему - явное преувеличение.

Вообще наша неискоренимая склонность к громким фразам про всевозможные реформы при отсутствии реального реформирования ведет просто-напросто к девальвации этого важного понятия. А в такой ситуации и впрямь можно быстро поверить в успешное завершение реформ, несмотря на полную иллюзорность этого вывода. Наиболее печальным из всех возможных последствий такого поворота событий может стать удовлетворенность достигнутым на сегодняшний день, т.е. фактический отказ от подлинного реформирования судебной системы, что, в свою очередь, уверен, самым негативным образом скажется на функционировании всех иных подсистем государственной власти. Я не готов дать полный перечень мер, которые бы застраховали нас от такого печального результата, но одно средство могу назвать. Оно, хотя и достаточно тривиально, но многократно доказало свою продуктивность и заключается в том, что любое реформирование требует некоторого комплексного, всестороннего подхода к своему предмету. Т.е. сначала следует ясно осознать, каково современное состояние объекта реформирования, что нас в нем не устраивает, способен ли этот объект поддаться изменению в нужном нам направлении и каким образом этого можно достичь?

Иными словами, необходим некоторый цельный анализ проблемы и выдвижение адекватных средств ее разрешения.

Надо сказать, что именно таким надежным методологическим путем двигались разработчики документа, озаглавленного "Реформа власти", известного больше как один из блоков программы, подготовленной под эгидой Центра стратегических исследований, руководимого Германом Грефом. Не хотелось бы касаться странной судьбы этого документа, оказавшегося, к сожалению, не востребованным именно в качестве цельной программы (какие-то отдельные его элементы были восприняты в пакете законопроектов, подготовленных в администрации Президента РФ). Но заслуживает внимания то, что в этом документе как раз был реализован комплексный подход к проблеме реформы власти. При этом соответствующий раздел, посвященный судебной реформе, на мой взгляд, весьма фундаментально проработанный, содержал и анализ ситуации, и характеристику целей, и механизмы реализации этой реформы. Среди целей реформы было выделено одиннадцать направлений, включающих три основных компонента: судостроительство, судопроизводство и судебское сообщество. В частности, отмечалась необходимость реализации положения Концепции судебной реформы 1991 г. о структурном построении судебной системы по принципу несовпадения территориальных судебных образований с существующим административно-территориальным делением, которая отнюдь не являясь только организационно-технической мерой, представляет одну из существенных гарантий доступного и независимого правосудия; предусматривалось реализовать, наконец, концепцию ответственности органов государственной власти и местного самоуправления перед человеком, т.е. ввести "административное судопроизводство" как осуществление судебной власти для разрешения конфликтов между гражданином и властью, сформировать судебные учреждения, рассматривающие такие дела, определить подсудность административных дел и установить процедуру их рассмотрения.

Специальное внимание уделялось вопросу вытеснения квази-юстиции в уголовно-правовой сфере, представленной в виде судебных функций правоохранительных органов, особенно прокуратуры, органов предварительного следствия и дознания, выражающейся в том, что до сих пор прокуратура принимает решение об аресте; органы дознания и предварительного следствия прекращают дела по так называемым не реабилитирующим основаниям, признавая человека виновным до суда и без суда в нарушение общепризнанных принципов правосудия (статьи 5 и 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) и Конституции Российской Федерации.

В качестве целей реформы намечались также достижение открытости правосудия и судебных решений, расширение начал диспозитивности, т.е. свободного усмотрения субъекта в сфере распоряжения его правами, реализации его интересов в суде; дифференциация отдельных форм судопроизводства, выбор которых в большой мере должен зависеть от сторон; введение апелляционных начал в судебный процесс, как это предопределено международными обязательствами Российской Федерации, частью третьей ст. 50 Конституции РФ и рядом решений Конституционного Суда РФ; развитие систем досудебного (альтернативного) рассмотрения споров (третейские суды, примирительные и согласительные комиссии и т.п.) в частноправовой сфере.

Важным звеном программы являлось и реформирование судебского сообщества, которое предполагало также пересмотр некоторых сложившихся стереотипов, связанных с новым решением вопросов "доступа к судебской мантии", в том числе формирования независимых от органов судебского сообщества экзаменационных комиссий и более рациональной и прозрачной для общества процедуры назначения федеральных судей. В остальном же предполагалось добиться такого положения, чтобы судебское сообщество было в состоянии осуществлять регулирование своей деятельности без государственной опеки, в том числе руководства высших судебных органов. Предусматривалось решение и ряда иных вопросов. При этом упомянутая программа реформирования содержала и некоторые достаточно спорные моменты, например, касающиеся объединения подсистем

судов общей и арбитражных юрисдикций, но тем не менее это была целостная и логичная программа. И именно такой программы теперь не предлагается, ее заменил, увы, достаточно фрагментарный "пакет законопроектов по судебной реформе", что весьма печально.

Важно также отметить, что основной смысл всех предлагаемых Центром стратегических исследований мер заключался в том, чтобы способствовать реальному утверждению судебной ветви государственной власти в качестве именно полновесной власти. И это справедливо рассматривалось как ключевой, важнейший момент судебной реформы. В сегодняшней дискуссии уже звучали слова о том, что сама судебная власть должна осознать себя таковой. Это, безусловно, верно. Но самосознание не может не базироваться на прочном материальном фундаменте, в основе которого и иные, по сравнению с сегодняшними, принципы финансирования судебной системы, и реальная ответственность всех субъектов соответствующих правоотношений за неисполнение судебных решений, как и реальная ответственность государства за вред, причиненный незаконными действиями самих судей, и, конечно же, реальная и эффективная система обжалования в суд любых решений и действий органов власти, т.е. введение административной юстиции.

К сожалению, "пакет по судебной реформе" не содержит никаких материалов, связанных с полноценным введением административной юстиции, хотя важный законопроект в этой области, регламентирующий административные процедуры, находится в высокой степени готовности и был хорошо известен разработчикам "пакета".

Между тем без наличия развитой системы административного судопроизводства, кстати, прямо предусмотренного частью 2 статьи 118 Конституции РФ, не только не может быть обеспечен достаточный уровень судебной защиты прав человека в нашей стране, но и не произойдет никакого улучшения в работе правоохранительных органов в части соблюдения этих прав. Хотя судебная система и является стержнем правовой защиты граждан, однако, чаще всего они сталкиваются с проблемой защиты своих прав при контактах с правоохранительными органами, особенно милицией, куда граждане вынуждены обращаться для решения многих вопросов своей повседневной жизни. Между тем система современных российских правоохранительных органов сформировалась в условиях социализма и, будучи одним из важных гарантов сохранения действовавшей в тот период тоталитарной государственной власти, не могла не быть носителем всех ее отличительных свойств. Главнейшая из этих особенностей заключалась в подчиненном положении права в целом и прав личности, в частности, по отношению к интересам государства.

Казалось бы, кардинальная смена приоритетов в социальной и экономической жизни, получившая свое юридическое выражение в новой российской Конституции, должна была привести к серьезному реформированию правоохранительных органов. Основной доминантой и идейной базой такой реформы должно было бы стать идеологическое усвоение и практическое освоение важнейшего приоритета нового конституционного строя - признание в качестве обязанности государства соблюдения и защиты прав и свобод человека, провозглашенных высшей общественной ценностью. Однако, несмотря на многочисленные заверения в приверженности руководителей МВД, ФСБ, прокуратуры принципу приоритета прав человека и даже формального его закрепления в законодательных актах, в реальности в практике деятельности правоохранительных органов мало что изменилось. Более того, наметился ряд негативных тенденций: ослаб внутриведомственный контроль за выполнением служебных обязанностей сотрудников, расцвела коррупция и мздоимство, возросла зависимость территориальных структур правоохранительных органов от глав субъектов Федерации.

Конечно, такое развитие правоохранительной системы не имело ничего общего с тем реформированием, которое необходимо было осуществлять. В какой-то мере процесс ее серьезной перестройки сдерживался иллюзией того, что благотворные изменения

произойдут сами собой по мере принятия и вступления в силу новых законов, регулирующих правоохранительную деятельность. Такое законодательство действительно с начала 90-х годов активно развивалось. Были приняты законы "О милиции", "О прокуратуре Российской Федерации", "Об оперативно-розыскной деятельности", "О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации", "О внешней разведке" и др. Но несмотря на то, что в большинстве из этих законов содержались специальные статьи, регулирующие вопросы соблюдения прав и свобод человека в процессе осуществления соответствующей специальной деятельности, по-прежнему отсутствовал реальный механизм защиты этих прав.

В докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2000 г. сделан такой неутешительный вывод: "Нарушение прав человека сотрудниками органов внутренних дел являются одной из серьезнейших проблем российского общества". При этом Уполномоченный для разрешения этих проблем не ставит вопрос об ответственности судебной ответственности соответствующих сотрудников и судебном контроле за их деятельностью, а апеллирует по традиции к руководству правоохранительных органов с тем, чтобы они следили за выполнением своими сотрудниками соответствующего законодательства (см. "Российская газета" от 16 мая 2001 г., с. 15).

Уверен, что на сегодняшний день мы имеем единственную возможность пойти вперед в решении этих больных вопросов — обеспечить реальный судебный контроль за государственной и местной администрацией. Но это станет возможным, т.е. позволит суду выполнить свою важнейшую роль в обеспечении общей эффективности государственной власти и действенной охране гарантированных Конституцией прав и свобод граждан, если, повторюсь, он станет подлинной независимой сильной властью. И только в этом случае, будет обеспечено важнейшее условие для совершенствования деятельности правоохранительных ведомств и всех иных органов государственной и местной власти. Это и есть важнейший вопрос судебной реформы, решение которого нельзя более откладывать.

Г.К. Шаров. Актуальные вопросы организации адвокатуры.

Концепция структурирования адвокатуры, которую сегодня одобряет подавляющее большинство адвокатского сообщества, коротко заключается в следующем. В каждом субъекте федерации образуется только одна адвокатская палата, как особая форма некоммерческой организации, с обязательным членством адвокатов, постоянно проживающих в регионе. В федеральных округах - советы адвокатских палат округа. На федеральном уровне — совет адвокатских палат России. Совет адвокатских палат - тоже особая форма некоммерческой организации с обязательным членством палат и другими особенностями, установленными законом об адвокатуре. Кстати, в Южном федеральном округе уже создана и успешно работает Ассоциация коллегий адвокатов этого округа, возглавляемая председателем Ростовской областной коллегии адвокатов Д.П. Барановым.

Если в субъекте федерации одна коллегия, то она лишь переименовывается в адвокатскую палату. Если в регионе несколько коллегий, то традиционная коллегия переименовывается в адвокатскую палату, а адвокаты других коллегий автоматически становятся членами этой адвокатской палаты. При этом адвокаты "параллельных" коллегий могут сохранить свои коллегии (их наименование и имущество), преобразовав их в некоммерческие организации - адвокатские бюро (фирмы) в форме некоммерческих учреждений адвокатов. Об адвокатских бюро в форме учреждений адвокатов речь пойдет ниже.

У адвокатских палат функции, права и обязанности аналогичны коллегиям. Надо прямо сказать, что введение понятия адвокатская палата — дань компромиссу. На этом

настаивали руководители "параллельных" коллегий, чтобы иметь возможность сохранить своим организациям название - коллегия адвокатов. Представляется, что это вполне приемлемый компромисс. Как бы ни называлось адвокатское объединение - гильдия, коллегия или палата, лишь бы она была одна в субъекте федерации, и членство в ней адвокатов было обязательным. Функции советов палат федеральных округов и России должны определяться только их уставами, чтобы исключить создание министерств адвокатуры.

Желательно, чтобы голоса палат в советах палат были пропорциональны численности советов палат, но это второстепенный вопрос. Организационно-правовая форма адвокатских палат и советов палат в форме некоммерческого партнерства с особенностями, прописанными в законе об адвокатуре, представляется более удачной, чем общественная организация, так как трудно привязать добровольность членства в общественной организации с обязательностью членства в палатах и советах коллегий. Но и это второстепенный вопрос.

Закон об адвокатуре должен содержать норму: юридическую помощь за плату на профессиональной основе оказывают только адвокаты, если иное не предусмотрено федеральными законами. Имеется в виду юридическая помощь неограниченному кругу лиц, а не работа юрисконсульта, оказывающего юридические услуги организации, в штате которой он состоит. Только такой подход в сегодняшних условиях реально позволит восстановить пошатнувшуюся общественную значимость адвокатской профессии и обеспечить адвокатской деятельности присущий ей публично-правовой и правоохранительный характер. Большинство других вопросов, связанных с разработкой нового закона об адвокатуре, не столь актуальны и не вызывают серьезных разногласий, чего нельзя сказать о вопросе форм организации адвокатской деятельности. В дальнейшем мы не будем опережать события и называть коллегии адвокатскими палатами.

**Рубежов Г.С., Баренбойм П.Д. Психологические вопросы судопроизводства.
Психологический журнал 1986, Т.7 №3 (статья перепечатана с сокращениями).**

В законе установлен принцип гласности, устности и непосредственности судопроизводства. Доказательства, на основе которых суд строит приговор или решение, должны быть непосредственно восприняты судом и прозвучать в судебном заседании либо в форме устных показаний подсудимого, эксперта, свидетелей, гражданского истца или ответчика, либо путем оглашения документов или письменных показаний. Все происходящее в зале суда фиксируется в протоколе заседания, который ведет секретарь. В течение трех дней после окончания судебного заседания по Уголовному делу и в течение одного дня по гражданскому должен быть изготовлен протокол в окончательном виде и скреплен подписями председательствующего и секретаря. Статья 264 УПК РСФСР; ст. 228 ГПК РСФСР. Последующие 3 дня предоставляются участникам процесса для принесения на протокол замечаний, которые рассматриваются председательствующим. Если председательствующий признает их правильными, то он утверждает замечания, и они становятся дополнением к протоколу судебного заседания. Если председательствующий не согласен с замечаниями, он созывает распорядительное заседание суда, в котором кроме него должен быть хотя бы один народный заседатель из участвовавших в рассмотрении дела. В распорядительном заседании большинством голосов судей выносится определение, которым замечания либо удостоверяются полностью или частично, либо полностью отклоняются. Это определение суда обжалованию не подлежит. Протокол судебного заседания является документом огромной процессуальной важности. Приговор, решение суда не могут быть признаны законными и обоснованными, если, содержащиеся в них выводы не вытекают из фактов и

доказательств, зафиксированных в протоколе судебного заседания. Кассационная и надзорные инстанции при выяснении, соответствует ли приговор и решения данным, установленным в судебном заседании, в первую очередь базируются на записях, содержащихся в судебном протоколе. Содержание и характер протокольных записей имеют в ряде случаев важное значение для окончательного разрешения дела. Отсутствие в деле протокола судебного заседания является безусловным основанием для отмены приговора или решения (п. 7 ст. 345 УПК РСФСР; п. 8 ст. 308 ГПК РСФСР). Порядок ведения протоколов судебного заседания в действующем УПК РСФСР регламентирован ст. 102 и 264. Законом установлено обязательное ведение протоколов в распорядительных и судебных заседаниях. Для обеспечения полноты протокола могут быть применены стенографирование и звукозапись допросов. Все внесенные в протокол дополнения и исправления должны быть оговорены и удостоверены подписями председательствующего и секретаря. Практика показывает, что звукозапись и стенографирование, обеспечивающие наиболее точное и подробное отражение происходившего в суде, применяются по уголовным делам лишь в единичных случаях. В гражданском судопроизводстве стенограмма и звукозапись законом не предусмотрены. Как уже отмечалось на страницах "Психологического журнала", оценка судом доказательств - понятие не только юридическое. Здесь возникает целый комплекс проблем психологических. Из круга важных проблем нам хотелось бы выделить вопрос о восприятии судами доказательств, исследуемых в ходе процесса, а также вопрос о закреплении этих доказательств в материалах дела, с тем чтобы приговор или решение суда могли быть в полном объеме проверены вышестоящими судами. Ведь в случае кассационной жалобы или протеста приговор или решение приобретают законную силу только после их утверждения вышестоящим судом. Предусмотрен законом и пересмотр вступивших в законную силу приговоров и решений в порядке судебного надзора. В связи с этим возникает вопрос об адекватности протокола судебного заседания фактическим событиям, происходящим в судебном процессе. Большое значение имеет правильность ведения протокола судебного заседания. Для сохранения полноты полученной информации, точного ее восприятия с позиций психологической науки протоколы необходимо давать на ознакомление непосредственно по окончании заседания, а не спустя сутки или более. Под влиянием последующей информации, особенно эмоционально окрашенной, характерной для судебного заседания, ранее закреплённые в памяти следы трансформируются. Кроме того, у участников процесса могут быть неявно выраженные болезненные состояния, проявляющиеся в виде слабой концентрации внимания, сниженного тонуса коры головного мозга, что еще более затрудняет удержание в памяти даже небольших массивов эмоционально окрашенной информации. Психологическими исследованиями доказано, что речевая информация сохраняется незначительно. Так, через сутки человек может воспроизвести точно лишь 60% информации, через двое суток - только 30%, через трое - лишь небольшое количество услышанного. Неточность и искаженность протокола стали уже настолько часты, что даже в популярной брошюре из серии "Библиотечка народного судьи" подчеркивается: "В протоколе судебного заседания, как правило, не находит полного отражения та значительная по объему и часто сложная по содержанию информация, которую получает суд при проведении судебного следствия. Секретарь судебного заседания может не успеть записать услышанное либо не понять сказанного, особенно когда речь идет о специальных вопросах. В силу этого протокол заседания нередко дописывается после постановления приговора, отсюда возможность искажения информации в протоколе". В Московском областном суде был проведен эксперимент, когда наряду с записью судебного заседания на магнитофон велась стенограмма и делалась запись секретарем. В результате выяснилось, что секретарь, знавший, что участвует в эксперименте, и применивший все свое старание, утратил при ведении протокола 50% фактической и такое же количество юридической информации. Эти ошеломляющие данные опубликованы в 1974 г., но перемен нет до сих пор. В

феврале-марте 1985 г. Президиум Московской городской коллегии адвокатов провел анкетирование 420 адвокатов, которое выявило следующее: 89% опрошенных заявили, что действующее процессуальное законодательство, регулирующее составление и проверку протокола судебного заседания, не обеспечивает правильное и быстрое рассмотрение дел. Среди основных причин, затрудняющих точное ведение протокола, названы отсутствие у участников судебного заседания процессуальных гарантий проверки протокола в ходе судебного разбирательства (67%) и сознательное стремление судей привести протокол в соответствие с вынесенным судебным решением (65%). Около трети опрошенных указали, что одной из главных причин является недостаточная добросовестность, невнимательность секретарей судебного заседания. Проблема правильного ведения протокола непосредственно связана с вопросом о процессуальном положении секретаря судебного заседания и его способностями воспринять, понять, а затем правильно отразить в протоколе показания, данные в суде. С точки зрения УПК, протокол становится таковым после его подписания, председательствующим и секретарем (ст. 264 УПК). Причем изготавливается он не в ходе судебного разбирательства, а в течение трех дней после окончания судебного заседания. Но ведь запись ведется секретарем в судебном заседании. Что же еще нужно "изготавливать", т. е., другими словами, записывать, после судебного заседания? Откуда источник сведений для подобных записей? Статья 244 УПК РСФСР предусматривает, что в случае разногласий между секретарем и председательствующим (а такие случаи возможны при принципиальном и честном отношении к работе, как это предусмотрено законом) секретарь приносит замечания на протокол судебного заседания (?!). А кто же в таком случае ведет протокольную запись, на которую секретарь принес свои замечания? В комментарии к ст. 264 УПК указано, что протокольные записи могут быть использованы и проанализированы в совещательной комнате. И действительно, закон обязывает суд вести протокол, но не обязывает этим протоколом руководствоваться при вынесении приговора. Отсюда многочисленные расхождения между содержанием протокола и приговора. В итоге получается, что протокол является источником доказательств для кассационной и надзорной инстанций, но не для суда первой инстанции. В коротком судебном заседании непосредственные впечатления иногда могут заменить отсутствие точного протокола в совещательной комнате, но как быть в тех случаях, когда судебное заседание ведется в течение нескольких недель, а нередко и месяцев? В этих случаях надеяться на память не приходится, а заметки, которые может делать для себя председательствующий, обычно страдают неполнотой, так как во время процесса на него возложено выполнение других важных функций. Вышесказанное подтверждает, что проблема закрепления полученных в судебном заседании доказательств является актуальной и имеет четко выраженный психологический аспект. Нам кажется, что в спор юристов (есть, к сожалению, сторонники сохранения существующего порядка ведения протокола) могут весьма эффективно вмешаться психологи. Например, можно научно исследовать вопрос о владении секретарей судебного заседания навыками конспекта, об умении адекватно отражать в протоколе услышанное. Ведь ошибка в протоколе "так и останется в деле и лишь с очень большим трудом может, быть исправлена". Важно также выяснить, создается ли реально в суде спокойная психологическая обстановка, способствующая наиболее точному пересказу свидетелями виденных ими событий и адекватной записи их в протоколе. Проблема восприятия судом первой инстанции обстоятельств дела в случае длительного судебного разбирательства наиболее наглядна. Протокол становится процессуальным документом после окончания судебного заседания. Пользование протоколом в ходе судебного заседания невозможно для участников процесса и необязательно для судей, хотя ознакомление с показаниями, данными недели, а то и месяцы назад, в начале процесса, весьма важно. Соответственно затруднено выяснение противоречий в показаниях, которые даны в разное время из-за длительности процесса. Пользование протоколом в совещательной комнате - серьезный вопрос, имеющий прямое

отношение к восприятию судьями обстоятельств, на основании которых они выносят приговор. Протокола еще нет, есть только протокольные записи, не имеющие процессуального, а значит, и доказательственного значения. Кстати говоря, если мнения членов суда в совещательной комнате о показаниях того или иного свидетеля разойдутся, то вернуться к ним еще раз члены суда не смогут. Часто в совещательную комнату даже и не берутся записи секретарей. Возникающие вопросы решаются по памяти или по личным записям. Но эти заметки могут быть неточными, а также могут расходиться с протоколом, который ведет секретарь. Психология должна дать научно обоснованные рекомендации по вопросам, связанным с восприятием судом обстоятельств судебного процесса, ставя перед собой задачу достижения точности и адекватности этого восприятия фактическим обстоятельствам. Действующее законодательство построено таким образом, чтобы участники процесса своими замечаниями восполняли пробелы, имеющиеся в протоколе. Здесь не следует забывать, что участники процесса - подсудимый, адвокат, прокурор, потерпевший, гражданский истец и ответчик играют в суде активную роль: формулируют и задают вопросы, заявляют ходатайства, дают объяснения. В связи с этим очень трудно вести подробные и полные записи, по которым впоследствии они смогли бы восстановить точный ход судебного заседания и принести замечания на протокол. Очень остро стоит вопрос о контроле за правильностью ведения протокола со стороны участников процесса по гражданским делам, большая часть которых слушается без участия адвоката. В юридической периодике уже отмечалось, что при отсутствии адвоката многие граждане не могут полностью использовать свои права в гражданском судопроизводстве, так как не обладают не только специальными правовыми знаниями, но и достаточной общеобразовательной подготовкой. Особенно это относится к проверке протокола судебного заседания и принесению на него замечаний. Большое значение раскрытие психологических аспектов судебного процесса имеет для стадии пересмотра судебных решений в вышестоящих судах, где фактические обстоятельства дела могут восприниматься устанавливаться в первую очередь только по письменным доказательствам в первую очередь из протокола судебного заседания. Недостатки и пробелы протокола, отчасти восполнимые в суде первой инстанции непосредственным восприятием (в том числе и невербальным, визуальным), играют решающую роль при рассмотрении дела в порядке надзора или в кассационной инстанции. Даже если пробелы протокола исправлены, восполнены замечаниями участников процесса, удостоверенными судом, практическое ознакомление с протоколом и замечаниями, находящимися в разных местах, представляет значительную сложность. Например, по одному делу было принесено шестью участниками процесса в общей сложности около 300 замечаний на протокол, из которых 130 были удостоверены судом как правильные. Соответственно для выяснения точных показаний, данных в суде, нужно было постоянно прерывать чтение протокола и искать на разных листах уголовного дела уточняющие замечания, соотнося их с определением распорядительного заседания о рассмотрении этих замечаний. Такой порядок создает определенные неудобства, затрудняющие восприятие вышестоящим судом содержания протокола. Если же замечания на протокол не удостоверены судом, то не вполне понятно их доказательственное значение. А в практике вышестоящих судов встречаются примеры, когда при пересмотре приговора ссылаются на отклоненные замечания, как на доказательства. Изготовление протокола происходит через некоторое время после оглашения приговора, а принесение замечаний на протокол - еще позднее, и, как правило, принесение замечаний связано с обжалованием приговора. И тогда, решая вопрос о правильности замечаний, судья тем самым в определенной степени влияет на судьбу приговора, который должен проверяться вышестоящим судом. С одной стороны, судья видит, что замечания на протокол правильные, с другой - он понимает, что они могут помочь в отмене приговора. Судье приходится решать серьезную психологическую дилемму. При этом следует отметить, что действующий порядок ведения протокола и рассмотрения замечаний на него из-за своего несовершенства создает лишние

психологические нагрузки для судей и участников заседания, приводит к излишним спорам и стрессовым ситуациям. Психологическая наука могла бы существенно помочь решению вопроса о том, каковы в таком случае возможности удостоверения судом замечаний на протокол. Психологи могут провести соответствующие исследования для того, чтобы определить реальность применения данной нормы процессуального закона. При этом должно быть особо выделено рассмотрение замечаний, касающихся наиболее важных, решающих обстоятельств уголовного дела. Исходя из принципа стабильности приговора, некоторые судьи не желают признавать имеющиеся недостатки протокола из опасения, что вышестоящий суд может в результате его изменить. Но, как уже отмечалось, "закон не знает такого понятия, как стабильность приговора, а требует от судебного приговора, чтобы он был не стабильным, а строго законным, обоснованным и справедливым". Приговор должен полностью соответствовать доказательствам, полученным в судебном заседании и точно зафиксированным в протоколе. Исследование влияния, которое оказывает на принятие и проверку судебных решений установка судей на стабильность приговора, стало бы также важным вкладом психологической науки в улучшение судопроизводства. Большинство приговоров по уголовным и решений по гражданским делам постановляется судами законно и обоснованно, соответственно не возникает серьезных проблем, связанных с ведением протокола. Однако в отдельных случаях эти вопросы приобретают остроту. По процессуальному закону достаточно участие в распорядительном заседании, где рассматриваются замечания на протокол, лишь одного народного заседателя из трех участников судебного заседания, на протокол которой принесены замечания. Но ведь распорядительное заседание созвано не председательствующим, который с замечаниями не согласен, иначе бы он их просто удостоверил и приобщил к делу. Значит, если мнения председательствующего и народного заседателя по поводу замечаний разойдутся, то решающий голос окажется у народного заседателя, который не участвовал в судебном заседании. Вопросы такого характера безусловно относятся к проблематике судебной психологии. Нельзя не отметить необоснованности указания действующего закона, в частности ст. 102 УПК РСФСР, на то, что стенографическая запись к делу не приобщается. При таком порядке правильность расшифровки стенограммы проверить невозможно. При вынесении приговоров по делам, обвинения по которым сопряжены с возможностью применения высшей меры наказания, нельзя рассчитывать только на память, интуицию и правосознание работников суда. По этим делам при вынесении приговора в распоряжении судей должен находиться полностью оформленный, не вызывающий замечаний участников процесса протокол судебного заседания. Это значит, что придание протоколу судебного заседания значения процессуального документа должно осуществляться в процессе самого судебного разбирательства дела. Так, ст. 241 УПК Узбекской ССР предусматривает, что в случае, когда суд признает это необходимым, свидетели и потерпевшие подписывают в протоколе судебного заседания свои показания. В ч. 7 ст. 281 УПК Азербайджанской ССР указывается, что по делам, разбирательство которых длится несколько дней, протокол судебного заседания может подписываться по частям, по окончании каждого дня заседания. Основываясь на практике рассмотрения уголовных дел, мы находим, что поставленный вопрос должен разрешаться обязательно. Представляется, что придание протоколу судебного заседания значения процессуального документа должно осуществляться путем оглашения в суде сделанных секретарем судебного заседания записей допросов подсудимого потерпевшего, свидетеля, экспертов, истца, ответчика, специалистов сразу же по окончании каждого допроса и его обсуждения. Лицо, давшее показания в суде, подписывает их, удостоверяя правильность. Протокол судебного заседания должен быть подписан председательствующим и секретарем до удаления суда в совещательную комнату и использован при вынесении приговора или решения. Различие способов закрепления доказательств в следственной и судебной практике является неоправданным. Предоставление на следствии обвиняемому или свидетелю возможности

ознакомиться со своими показаниями и подписать их снимает многие последующие вопросы. Есть прямой смысл закрепить такой же порядок для оформления протокола судебного заседания. Как мы уже говорили, психология должна стать одной из научных основ уголовного и гражданского процессуального законодательства. Рассмотренные в нашей статье примеры несоответствия действующего порядка ведения протокола судебного заседания выводам психологической науки самым тесным образом связаны с возможностью правильного восприятия и понимания судьями обстоятельств дела, а значит, и с важнейшей проблемой формирования у них правильного внутреннего убеждения. Психологическая наука может сыграть очень большую роль в повышении эффективности судебной деятельности. Известный революционер и публицист Н.В. Шелгунов писал: "Мы стоим только в начале того периода мысли, когда человек становится предметом наблюдения, и быстрота человеческого прогресса будет зависеть исключительно от того, насколько быстро пойдет это изучение. По отношению к русскому обществу нужно желать, чтобы распространялись психологические знания, а наука психология не сделалась у нас таким же обыденным знанием, как география и арифметика, нам не следует удивляться и слишком негодовать на то, что наша общественная и частная жизнь представляет аномалии и что человек не существует для нас как предмет мышления". Это актуально и для наших дней. Дальнейшее совершенствование судопроизводства должно сочетаться с широким привлечением результатов, добытых психологической наукой. Использование данных психологической науки в решении проблем судебной деятельности диктуется самой жизнью.

Год	Количество судей	В т.ч. район- ных судах	Окон- чено уголов- ных дел	Окон- чено граж- данских дел	Рассмот- рено адми- нистр. мате- риалов	% обжало- ванных приго- воров	% обжало- ванных реше- ний	Осуждено к лишению свободы	
								абс.	%
1990	10060	8085	526899	1462920	1163865	24,40%	6,00%	203359	37,80%
1991	11233	9128	570544	1404019	1088690	21,90%	5,70%	207489	34,90%
1992	12752	10467	622684	1686387	1109130	19,30%	5,30%	225926	34,20%
1993	14095	11623	760948	1825438	1473507	16,70%	5,10%	292868	37,00%
1994	15296	12526	938065	1955309	1860125	14,40%	5,20%	332675	36,00%
1995	15564	12740	1074652	2806892	1927339	12,90%	4,00%	357765	34,50%
1996	15564	12740	1154773	3056723	1923002	12,30%	4,30%	373519	33,60%
1997	15552	12741	1056481	3881977	1879541	14,80%	3,70%	330977	32,70%
1998	15556	12745	1137259	4752114	1806835	15,50%	3,60%	345399	32,20%
1999	15600	12770	1278822	5012331	1824775	14,60%	4,00%	388799	31,80%